

Э
Л26

М. ЛАСКОВАЯ

БЕСЕДЫ О РЕЛИГИИ

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В НАШИ ДНИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

БЕСЕДЫ О РЕЛИГИИ

М. ЛАСКОВАЯ

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В НАШИ ДНИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1981

~~86.3~~

Л26

Рецензенты:

*доктор философских наук Н. КРАСНИКОВ,
кандидат философских наук Н. КУФАКОВА.*

Л $\frac{10509-092}{M172(03)-81}$ 67-81. 0400000000

ББК 86.3
2

Торжество научного мировоззрения и существенные успехи в преодолении религиозности в нашей стране не дают, однако, оснований считать, что она сама по себе может отмереть под воздействием социально-экономического и научно-технического прогресса.

70-е годы XX века иллюстрируют, с одной стороны, гигантское развитие научной мысли, а с другой — сохранение у части населения религиозности с ее обрядами и догматами. Почему же в век научно-технической революции находятся люди, которые тянутся к религии, верят в бога?

Любопытный ответ на этот вопрос дает бывший верующий Василий Каргаполов (1948 года рождения). Он откровенно признается:

«К религии меня привела не темнота, не бездумность, а стремление к нравственному идеалу, равнодушное отношение некоторых людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Меня всегда мучил вопрос о смысле жизни человека, о роли его в обществе, о человеческой справедливости»¹.

Однако религия не помогла Василию найти истину, не дала ответа на мучившие его вопросы. И он горестно заключает: *«То, к чему я стремился долгие годы, оказалось пустое, ненужное».*

Но ведь долгие годы были потрачены на поиски истины, долгие годы религия не отпускала от себя Каргаполова, как не отпускает и поныне еще других

молодых и не очень молодых людей. Что же делает религию столь живучей в наши дни?

Вот на этот вопрос мы и попытаемся ответить в предлагаемой читателю книге.

КРИЗИС РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Религия возникла в определенных исторических условиях на самых ранних ступенях развития человеческого общества и исчезнет с победой коммунизма. *«Религия,— писал К. Маркс,— будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм»*².

В первобытном обществе религия зародилась в результате низкого уровня развития производительных сил и отсутствия у человека достаточных знаний и опыта, чтобы разобраться в сложных явлениях, происходящих в природе и в нем самом. Ф. Энгельс справедливо указывал, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»³.

Господствующие классы в антагонистическом обществе активно использовали и используют религию для укрепления своей власти над трудящимися массами, оправдания их эксплуатации. «Религия,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, давленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»⁴.

Трудящиеся массы города и деревни в условиях царской России подвергались самой жестокой эксплуатации и угнетению, что способствовало углублению их религиозности. Церковь старой России стояла на защите интересов помещиков и капиталистов и своими призывами к подчинению и смирению подавляла активность трудящихся, запугивая их библейскими сказаниями об адских мучениях и загробном воздаянии на том свете в случае неповиновения власть имущим на

земле. В царской России религиозные организации представляли огромную силу и проникали во все сферы жизни общества. Абсолютное большинство населения было религиозным.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к коренным социальным и политическим преобразованиям в жизни страны и резко изменила положение церкви в обществе. Многие руководители религиозных организаций встретили Советскую власть враждебно и включились в контрреволюционную борьбу. Это сразу же привело к отходу значительного числа верующих от церкви, так как ее деятельность противоречила их классовым интересам.

С первых дней становления Советской Республики рабоче-крестьянское правительство утвердило законы, резко ограничивающие деятельность церкви. Так, по Декрету о земле, принятому уже 26 октября 1917 г., все церковные и монастырские земли (как и помещичьи) передавались Советам крестьянских депутатов. Затем в ведение Народного комиссариата по просвещению перешли все церковноприходские школы, учительские семинарии и другие учебные заведения, находившиеся под контролем церкви. В январе 1918 г. была прекращена выдача государственных средств на содержание церквей, священнослужителей и на совершение религиозных обрядов. Все это нанесло сокрушительный удар как по материальной основе церковных организаций, так и по их влиянию на массы.

Главным документом политики Советского правительства по отношению к религии и церкви был декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (январь 1918 г.). Декрет гарантировал проведение в жизнь подлинной свободы совести. Это означает невмешательство государства во внутреннюю деятельность религиозных организаций, с одной стороны, и невмешательство церкви в государственные дела — с другой. Вместе с тем свобода совести не допускает уклонения верующих и служителей культа от выполнения ими их гражданских обязанностей в Советском государстве. В декрете подчеркивалось, что и верующие, и служители культа, признавшие новую революционную власть, являются полноправными гражданами Советской России. Религия была объявлена частным делом по отношению к государству. Декретом об отде-

лении церкви от государства и школы от церкви запрещалось указание о вероисповедании того или другого лица в любом официальном документе. Регистрация актов гражданского состояния также полностью передавалась представителям новой власти.

Время подтвердило правоту и жизненность всех положений этих ленинских декретов. Их принципы и сегодня являются нерушимой основой политики Советского государства в вопросах религии и церкви.

Кроме того, В. И. Ленин глубоко обосновал политику Коммунистической партии и социалистического государства в отношении религии в таких работах, как «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», «Духовенство и политика», «О значении воинствующего материализма» и др. Во всех этих произведениях В. И. Ленин показал, что Коммунистическая партия не может признать религию, ибо это антинаучная идеология, враждебная классовым интересам трудящихся, и что борьба с ней должна носить организованный характер. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что преодоление религии — не механический, а постепенный и сложный процесс, требующий постоянного внимания партии. В. И. Ленин учил коммунистов бороться с религией идейным оружием. Административный нажим в этом вопросе, подчеркивал он, способен лишь затруднить отмирание религии. Выполняя эти указания, наша партия ведет атеистическую пропаганду, раскрывая антинаучную сущность религиозного мировоззрения, и вместе с тем привлекает верующих к активной, творческой борьбе за утверждение идеалов коммунизма в нашей стране.

Опираясь на декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, советское законодательство предусматривает необходимость регистрации религиозных объединений в местных органах власти. Советское государство исходит из положения, что основной функцией церкви является только отправление культа и религиозная пропаганда в церковных помещениях и молебных домах, действующих официально. Категорически запрещено проведение занятий по религиозным вопросам с несовершеннолетними. Все это ни в коем случае не ущемляет прав верующих в нашей стране, что подтверждается наличием церквей, молитвенных домов, монастырей, духовных учебных за-

ведений, а также изданием религиозных журналов (например, таких, как «Журнал Московской патриархии», «Братский вестник» и др.).

Население Советской страны сразу же после свершения социалистической революции начало заметно отходить от религии. Уже сам факт победы Октябрьской революции, а также известные нам ленинские декреты, проведенные новым правительством в жизнь, создали благоприятные предпосылки для этого. Кроме того, процесс атеизации был обусловлен быстрым развитием производительных сил, убедительно раскрывающим власть человека над природой. Важнейшим фактором, способствующим росту сознательности трудящихся, явилась и идейно-воспитательная работа, систематически проводимая среди всех слоев населения Советского Союза.

Победа социализма еще больше расширила и углубила разрыв верующих с религией в нашей стране. В ходе развития первого в мире социалистического общества, создания его материально-технической базы, совершенствования производственных отношений — отношений сотрудничества и взаимопомощи, воспитания нового человека, творца и созидателя коммунистического строя, все больше и больше подвергаются сомнению религиозные догматы о бессилии человеческого разума и о его полной якобы зависимости от божественных сил. Огромное значение имеет и то обстоятельство, что в ходе строительства социализма значительное число трудящихся усваивает диалектический и исторический материализм как самое передовое научное мировоззрение, не идущее ни на какие компромиссы с религией. На долю церкви остается меньшая часть населения, охватывающая главным образом людей преклонного и пожилого возраста. Следует иметь в виду и тот факт, что среди религиозных людей из года в год увеличивается число колеблющихся, у которых отсутствуют постоянные связи с церковью, ибо культовые обряды они совершают нерегулярно и свои религиозные убеждения не распространяют.

Растущая атеизация населения явилась весьма убедительным показателем кризиса религии в нашей стране.

В процессе углубления и расширения кризиса религии большую роль сыграла научно-техническая ре-

волюция, социальная сущность которой заключается в создании материально-технической базы коммунистического общества. В условиях социализма время, высвобожденное за счет научно-технического прогресса, направляется для духовного обогащения человека и его гармонического развития. Это создает неограниченные возможности для формирования у трудящихся атеистического марксистско-ленинского мировоззрения.

Успехи нашей страны в области экономики, науки и техники еще больше способствуют возрастанию активной, творческой трудовой деятельности советских людей, росту уровня их образования и культуры.

В противоположность капитализму социалистическое общество использует достижения научно-технической революции на благо человека, в интересах его духовного обогащения. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев подчеркивал, что развитие материально-технической базы нашего общества *«способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни»*⁵.

Научно-техническая революция раскрывает могущество человеческого разума и тем самым помогает окончательному опровержению религиозного мышления, фантастически отображающего действительность и искажающего ее. Познавая все более и более глубоко окружающий мир, проникая в тайны природы, человек социалистического общества освобождается от суеверий и религиозных предрассудков, мешающих его творческой деятельности.

Полная ликвидация эксплуатации в стране окончательно уничтожает классовые корни религии. Социалистическое общество, развивающееся на основе новых производственных отношений, раскрывает неограниченные возможности для общественного прогресса, не прибегая к религиозной обрядности и к вере в помощь божественных сил.

Кризис религии особенно углубился с построением в нашей стране развитого социалистического общества. «Развитое социалистическое общество,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— закономерная ступень социально-экономической зрелости нового строя в рамках первой фазы коммунистической формации. Это, говоря словами В. И. Ленина, тот вполне упрочившийся социализм,

от которого начинается постепенный переход к коммунизму. Именно такая ступень развития социализма достигнута в нашей стране»⁶. Коренные сдвиги в экономике, в характере и структуре развития производительных сил и производственных отношений, бурный прогресс науки и переход ко всеобщему среднему образованию способствовали тому громадному скачку, который совершила наша страна. Особенно яркими являются показатели культурного роста населения. В настоящее время почти $\frac{3}{4}$ работников, занятых в народном хозяйстве, имеют высшее или среднее образование. На этой ступени развития сложился советский социалистический образ жизни, который «открывает такие перспективы количественного роста показателей, выражающих благосостояние и культуру масс, которые невозможны в самых богатых капиталистических странах»⁷.

Важнейшая черта, характеризующая социалистический образ жизни, вытекает из нового соотношения личности и общества. Социализм создает предпосылки для сочетания интересов личных и общественных, для их гармонической связи и единства. Коммунистическая партия уделяет этому вопросу огромное внимание, так как в его правильном решении она видит важнейшую основу осуществления экономических и социальных задач, коммунистического воспитания трудящихся.

Человек социализма с его высокими духовными и этическими качествами — совершенно новое явление в истории общества, свидетельствующее о неисчерпаемых возможностях советского образа жизни. Подтверждением этого является в первую очередь рост общественно-политической активности трудящихся. Эта активность обусловлена не потусторонними, божественными силами, а объективной закономерностью исторического процесса. Она еще больше укрепляет положение человека в обществе. «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу»⁸, — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС.

Произошедшие глубокие социальные изменения в жизни нашей страны в целом и ее людей в частности не ушли от внимания церковников. Они уже давно поняли, что для сохранения религии необходима новая тактика, необходимо прежде всего приспособление (а

значит, обновление и модернизация) 'социально-экономических и вероисповедных доктрин религии к существующему уровню общественного развития страны и современному образу мышления советского человека.

Приспособление и обновление религии в наш век происходит фактически во всех странах. Но первой на путь радикальной модернизации встала русская православная церковь после свершения в России социалистической революции, в корне изменившей весь общественный уклад. «Факт победы Великой Октябрьской социалистической революции,— читаем мы в религиозном журнале,— явился не только принципиальным экзаме-ном традиционному русскому православию, прикованному в прошлом к колеснице царского самодержавия и не без «мук рождения» нашедшему свое место в новом обществе, но и явлением, потребовавшим... переосмысления своего отношения к обществу»⁹.

Богословы поняли, что конфронтация церкви с Советской властью окончательно оттолкнет оставшуюся часть верующих. Поэтому русская православная церковь, другие религиозные объединения в России и отдельные священнослужители постепенно отошли от сотрудничества с контрреволюционными силами, хотя рецидивы прошлого иногда и дают себя знать. Но об этом ниже. В годы Великой Отечественной войны священнослужители в своем большинстве проявили себя патриотами. Церковь оказывала материальную помощь Советскому государству в борьбе с фашистскими захватчиками. В настоящее время духовенство открыто высказывается в поддержку внутренней и внешней политики Советского государства, однако усматривая в ней божественный промысел. «Члены церкви,— подчеркивают богословы,— не мыслят себя иначе как гражданами своего Отечества и поступают во всем так, как это свойственно членам советского общества. Епископы, священники, диаконы... монашествующие осознают советскую систему как закономерную и провиденциальную¹⁰ норму политического и социального устройства, добровольно избранную самим народом, и в ней живут, участвуют и поддерживают ее»¹¹. Церковники также активно призывают верующих честно выполнять свои гражданские обязанности, являя образец трудолюбия и добросовестности.

Формы и методы воздействия на верующих, при-

меняемые богословами и священниками, свидетельствуют об умении церкви приспособливаться к новым условиям, быть гибкой и уступчивой, умело использовать опыт теологов Запада. Все это вносит определенные трудности в атеистическую работу, ибо религия в силу этого становится, как говорил В. И. Ленин, подновленной, подчищенной, ухищренной, разоблачить которую значительно сложнее. Поэтому необходимо прежде всего тщательное изучение всех новых методов и приемов богословов для того, чтобы раскрыть на конкретных фактах антинаучную сущность их религиозной пропаганды. Следует также учитывать, что в развернувшейся идеологической борьбе некоторые западные фальсификаторы обвиняют органы Советской власти в том, что они будто бы мешают работе церквей и преследуют священнослужителей. Буржуазные идеологи обрушиваются на Советское правительство и КПСС за то, что те, мол, поощряют атеистическую работу. Они рассматривают атеистическое воспитание трудящихся как явное нарушение принципа отделения церкви от государства.

Но, как известно, свобода совести ни в какой степени не исключает, а предполагает широкую атеистическую пропаганду среди трудящихся при одновременном существовании церковных организаций и их вероисповеднической деятельности.

Ответом на все злопыхательские нападки западных «специалистов» по вопросам религии в нашей стране является заявление главы русской православной церкви патриарха Пимена, который подчеркивал: «Свобода вероисповедания гарантирована Основным Законом — Конституцией СССР. Все религиозные объединения, в том числе и русская православная церковь, равны перед государством, каждое из них имеет самоуправление. В СССР нет учета и статистики населения по вероисповедному признаку. О религиозной принадлежности не спрашивают при найме на работу, при переписи населения, при выдаче паспортов и т. д. Советское законодательство предусматривает строгую ответственность за какое бы то ни было ущемление гражданских прав верующей части населения, в том числе и духовенства.... Верующие люди всех религий, как и священнослужители, — полноправные граждане Советского государства, и они активно участвуют в полити-

ческой, экономической и общественной жизни страны»¹².

Однако любая антисоветская деятельность духовенства пресекается. Примером тому является дело священника села Гребнева Щелковского района Московской области Дмитрия Дудко. Он вступил в преступную связь с представителями зарубежных антисоветских организаций и передавал им клеветнический материал, порочащий наше государство. За эту свою деятельность, в которой он полностью сознался, священник Дудко был привлечен к ответственности¹³.

В то же время усилия священнослужителей, направленные на благо советских людей и всего человечества, поощряются нашим государством. Об этом свидетельствует, в частности, недавнее награждение за патриотическую деятельность в защиту мира и в связи с семидесятилетием со дня рождения патриарха Московского и всея Руси Пимена орденом Дружбы народов (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1980 г.). К слову сказать, глава русской православной церкви Пимен награждался и ранее.

Так как вопросы модернизации религии в нашем обществе обстоятельно рассмотрены в ряде работ Н. С. Гордиенко, И. А. Крывелева, Н. П. Красникова, П. Н. Курочкина, Э. И. Лисавцева, Л. Н. Митрохина, М. П. Новикова и других авторов, мы остановимся лишь на некоторых аспектах этого процесса.

МОДЕРНИЗАЦИЯ БОГОСЛОВИЯ

Развитие и укрепление массового атеизма в СССР — закономерное явление, обусловленное социальным, научным и культурным прогрессом социалистического общества. Огромное значение в этом процессе имеет воспитательная работа, проводимая партией.

В настоящее время приверженцами религиозного миропонимания является лишь незначительная часть советских граждан. Данные социологических исследований в 60—70-х годах по этому вопросу показывают заметный рост процесса секуляризации — освобождения населения от влияния религии в нашей стране. В конце 60-х годов в Пензенской области среди опрошенных религиозная часть населения составила 28,4%,

нерелигиозная — 69,7%. В Воронежской области в середине 60-х годов соответственно 22,4 и 77,6%. В Калужской области (исследования 1971 г.) верующих и колеблющихся было: в Калуге — 11,5%, в сельской местности — 23,9%. Выше процент религиозных людей в тех районах страны, которые до Великой Октябрьской социалистической революции были наиболее отсталыми в экономическом и культурном отношении.

В значительной мере освободились от влияния религии различные социальные группы. В Пензенской области распространение религиозности равно: среди интеллигенции 4,1%, среди служащих 8,2%. Религиозность рабочих промышленности составляет 14,4%, колхозников и рабочих совхозов — 28,4%. Исследование в Воронежской области показало, что отсутствуют религиозные люди среди работников государственного аппарата и общественных организаций, работников науки, просвещения, искусства. Колеблющиеся и верующие составляют: у служащих — 1%, у рабочих — 21,3%, у колхозников — 31,3%. Среди городского населения Калужской области верующих и колеблющихся в группе рабочих оказалось 9%, в группе служащих — 5%, студентов (учащихся) — 2% (среди студентов верующих нет, имеются лишь колеблющиеся).

Социальные исследования убеждают в том, что религиозность сельского населения выше религиозности жителей города. Данные по Белоруссии свидетельствуют, что распространение религиозности среди городского населения равно 16%, а среди сельского — 39,6%. В Воронежской области среди горожан верующих 15,1%, среди сельского населения — 32,7%. В Пензенской и Калужской областях соотношение приблизительно такое же ¹⁴.

Также наблюдается преобладание среди верующих домохозяек и лиц, не связанных с общественным производством. Значительное число верующих можно встретить среди людей самого старшего поколения. В числе их большой процент неграмотных или лиц, имеющих начальное образование.

На основании многочисленных исследований, проведенных в различных районах нашей страны, можно сделать вывод, что библейские представления о мироздании, о бессмертии души и загробной жизни, о происхождении человека утрачены современными верую-

щими частично или полностью. Так, в Пензенской области только 33,2% верующих и 6,2% колеблющихся считают возможным бессмертие души, а 39,3% верующих и 53,3% колеблющихся сомневаются в истинности этого важнейшего христианского догмата. Свыше 11% верующих и 27% колеблющихся полностью отвергают его¹⁵.

Весьма незначительный процент верующих сохраняет в своем сознании образ бога таким, каким он представлен Ветхим и Новым заветами. Большинство же не знает, каким он должен быть. Все это заставляет богословов обновлять религиозные поучения и догматы, чтобы как-то удержать свои позиции в обществе развитого социализма. Для церкви важно, подчеркивает митрополит Иоанн, «не проглядеть знамение времени, не отказываться усматривать в секулярных (светских.— Авт.) событиях направляющую божью десницу, не уходить от соучастия в созиданиях и усилиях». Богословы открыто говорят о необходимости обновления и пересмотра всех «навыков мышления, понятий, критериев и оценок». Они ссылаются на приведенное в Библии изречение Христа «се, творю все новое» и поясняют его: «Постоянное богоустановленное обновление,— обновление природы, человеческого общества, церкви и отдельного человека непрестающей силой Божией — вот смысл этих священных слов: «Се, творю все новое», и приобретают они особое звучание в переживаемое нами время — время быстрых изменений и великих свершений». В силу этого духовенство представляет человека соучастником в божественном процессе изменения и развития в окружающем мире.

Но процесс модернизации в русском православии встречает на своем пути определенные трудности. Это связано с тем, что богословы не одинаково относятся к этому явлению, высказывая подчас противоположные суждения. Наблюдаются два подхода. Первый основывается на требовании активизации этого процесса. Это означает, что богословы настаивают на модернизации не только в области социально-политических концепций церкви, но и в области ее канонов, обрядности и вероучения. Это направление представляют главным образом молодые и среднего возраста священнослужители.

Второй подход к модернизации основывается на со-

хранении православия без значительных изменений и преобразований как в религиозной идеологии, так и в обрядности. Это направление поддерживает старшее поколение духовенства.

Разногласия среди богословов приводят в недоумение верующих и тем самым невольно способствуют секуляризации их мировоззрения, так как они в большинстве не одобряют подобной ревизии церковной догматики.

В 50—60-е годы модернизация русского православия проходила наиболее активно и привела к изменению многих положений христианства и его значительному осовремениванию. Это вызвало глубокое беспокойство иерархов русской церкви, ибо они усмотрели в этом угрозу сближения с левой протестантской теологией, пропагандирующей новые концепции («атеистическое христианство», «теология мертвого бога» и др.), о которых мы будем говорить ниже.

Поэтому модернизация церкви в 50—60-е годы подвергалась резкой критике со стороны поборников медленных, постепенных изменений религиозной идеологии.

Собравшийся в 1971 г. поместный собор русской православной церкви для избрания Пимена патриархом Московским и всея Руси затронул также и вопросы приспособления и модернизации русской церкви. Поместный собор 1971 г. одобрил поворот церкви от идеи «социальной нейтральности» к активному участию в решении социальных проблем. На соборе было подчеркнуто, что «церковь — это живой благодатный организм», который не может не обновляться в процессе развития всей общественной жизни.

Собор 1971 г. своими решениями санкционировал поддержку русской православной церковью социалистического строя и одобрил существующее законодательство о религиозных культах. В соборных материалах выражено твердое намерение и дальше укреплять и развивать «добрые отношения с нашим государством». Собор направил деятельность русской православной церкви по пути сочетания верности традициям с постепенным, но неуклонным обновлением явно устаревших элементов догматики и культа. «Задача церковной иерархии, — подчеркивалось на соборе, — всегда будет состоять... в сообразовании правил и традиций цер-

ковных с нуждами церкви и потребностями времен». Таким образом, церковь выразила готовность проводить определенную модернизацию и решать социально-экономические и политические проблемы.

И не случайно поэтому в 70-х годах церковь заинтересовалась вопросами охраны природы и среды обитания человека. В религиозной печати стали чаще обсуждаться темы, связанные с социальным и нравственным прогрессом общества. Богословы не обошли молчанием проблему социалистического образа жизни и уделили внимание принятию новой Конституции СССР и т. д. Все это должно, по мнению духовенства, создать впечатление не только у верующих, но и у всех трудящихся, что религия вплотную приближается к земным интересам и готова участвовать в решении любых актуальных проблем.

Приветствуя обновление и модернизацию религии, церковные иерархи на поместном соборе отметили, однако, что необходимо вместе с тем сохранить верность основам христианского мировоззрения, чтобы последовательно и твердо проводить идею превосходства духовного (божественного) над материальным. Поместный собор также предостерег богословов «от несерьезного увлечения модой» и от «поспешных суждений и самоуверенных выводов» по поводу тех или иных постулатов христианства.

Богословы ставят задачу раскрыть по-новому содержание религиозных догм и поучений применительно к условиям развития нашего общества. Поэтому они полностью отказались от представления о якобы неизменном отношении верующих к действительности в различных исторических условиях, ибо, утверждают они, динамический процесс «развития мира вряд ли позволяет выработать раз и навсегда единые установки христианского поведения». Богословы предупреждают, что все священнослужители должны быть готовы «дать ответ на новые вопросы», рожденные конкретными условиями общественной жизни.

В связи с этим церковники придают большое значение изучению вопроса о личности и ее роли в обществе. Известно, что традиционный богословский взгляд на личность сводится к признанию ее полной зависимости от бога, к подчинению ею своих интересов божественным целям. Это означало, что религия отрывала

человека от общества, от активной социальной жизни. В. И. Ленин, подчеркивая эту мысль, писал, что «никогда идея бога не «связывала личность с обществом...»¹⁶. Теперь же духовенство говорит о тесной взаимосвязи личности и общества: «Личность, с ее правом и обязанностями, не может рассматриваться в изоляции от общества. Как общество влияет на личность, так и личность воздействует на общество в едином органическом процессе, который есть непрестанное движение»¹⁷.

В «Журнале Московской патриархии» открыто ставится вопрос о христианской активности личности и указывается, что верующий человек не должен ограничивать свои заботы о благе страны усердными молитвами и постами, а обязан принять «активное участие в общественной жизни»¹⁸.

Христианская активность, поучают богословы-модернизаторы, — это прежде всего сознательная трудовая деятельность человека, направленная на благо общества и всех народов мира. В процессе этой деятельности каждый человек совершенствуется и достигает высших нравственных качеств.

С аналогичными требованиями трудовой и общественной активности человека выступают и идеологи евангельских христиан-баптистов. Следует отметить, что в современных условиях баптизм также проявляет немалую изобретательность в поисках путей приспособления и модернизации. Наиболее активно добиваются обновления церкви молодые верующие. Для этого, с их точки зрения, «необходимо модернизировать не только идеологию и культ, но и догматику. Церковь должна пересмотреть свои взгляды на светскую жизнь верующих и не препятствовать их взаимодействию с окружающей неверующей средой»¹⁹. В своих многочисленных заявлениях руководство ВСЕХБ (Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов) подчеркивает, что «христианский идеал ни в коем случае не требует, чтобы человек отказался от всякого интереса к делам своей жизни» и что он «не может отойти от мира как отшельник и вести уединенную жизнь. Христианин является членом общества».

Однако новое богословское толкование социальной активности личности фактически по-прежнему ограничено рамками старых догматов, признающих главной целью жизни человека его стремление к бессмертию и спасению в так называемом царстве божьем. Идея спа-

сения в потустороннем мире раскрывается богословами как основная предпосылка христианской активности и социальной ответственности на земле.

В таком же плане ухищренных и утонченных богословских положений анализируется и отношение церковников к труду. В марксистско-ленинском учении труд является не только средством создания материальных ценностей, но и делом высокого морального значения. Утверждая это, Программа КПСС подчеркивает: «Всякий труд на пользу общества, как физический, так и умственный, уважаем и почетен»²⁰.

Известно, что богословы искони придерживались взгляда, что человек за грехи проклят богом и поэтому обязан трудиться всю жизнь «в поте лица своего». В подобной интерпретации труд рассматривается как роковая неизбежность, навязанная человеку божественной волей ради добывания хлеба насущного. Иногда и в наши дни эти идеи проводятся богословами. Но успехи советских тружеников в строительстве новой жизни потребовали от церковников иного толкования трудовой деятельности. Теперь в проповедях более настойчиво проводится мысль, что труд не столько наказание, сколько заповедь, данная богом.

Богословы говорят о труде как о «священной обязанности верующего», трактуют его как «долг и подвиг христианина» на благо всего общества. Они призывают верующих добросовестно трудиться, «смело, честно и активно включаться в строительство новой жизни, основанной на социальной правде и справедливости».

На поместном соборе русской православной церкви (1971 г.) патриарх Пимен подчеркнул, что в нашей стране научно-технический прогресс развивается в одном направлении с социальным прогрессом и что вся страна «дружными усилиями всех граждан, включая и верующих различных религий, неуклонно осуществляет развитие науки и техники, добивается роста экономики и культуры. И все это делается для блага каждого человека».

Но вместе с тем религиозные проповедники указывают на наличие «божественной воли», которая будто бы руководит человеком в его трудовой деятельности, направляя ее к установленной свыше цели. Труд, читаем мы в религиозном журнале, — это «непрестанное делание, творение, активность, наконец, подлинное

творчество, в котором мы усилием воли, ведомые и управляемые свыше, преобразуем реальность, творим нечто новое».

Идеологи христианства вместе с тем поучают, что труд — это неизбежность, данная человеку волей творца. И если человек выполняет эту волю, т. е. честно трудится, то тем самым становится как бы помощником бога и его соучастником в разрешении земных проблем. Эти рассуждения церковников сводят на нет конкретно-историческое содержание труда, его социальную, классовую целеустремленность, ибо религиозное истолкование труда зачеркивает реальные мотивы трудовой деятельности человека.

Модернизация и приспособление по этой проблеме наблюдаются и в религиозных поучениях евангельских христиан-баптистов. Они также призывают «честно трудиться не жалея сил во имя Христа на благо Родины». Пресвитеры в беседах с «братьями и сестрами» прославляют труд как земное призвание человека. Баптисты нередко ставят в пример Христа — «сына плотника», в котором видят образец единения физического и духовного труда. Проповедники описывают Христа в рабочей одежде, с инструментами в руках и подчеркивают, что «часто ему некогда было есть». Они указывают также на громадное нравственное значение труда. «Труд — это станок, на котором ткется душа человека».

В молитвенных домах в осеннее время баптистами проводится праздник жатвы. Помещение украшается плодами и злаками, присутствующие прославляют лучших работников сельского хозяйства и поют: «Все к труду, все к труду». Но одновременно в обращении к присутствующим проповедник подчеркивает, что богатый урожай — не столько дело рук человеческих, сколько бога, ибо он дал самое главное — хорошую погоду. Человеческий труд, таким образом, обесценивается.

В баптистской пропаганде труд еще по-прежнему считается божьей карой, хотя эта мысль проводится значительно более гибко, чем прежде. Однако в проповедях и песнопениях нередко говорится, что, только попав в рай, люди будут освобождены от этого наказания: «Чудный край. Никто не стонет под трудом. Божий рай!» Такова в представлении баптистов загробная райская жизнь.

Если до Октябрьской социалистической революции церковники считали женщину существом, стоящим значительно ниже мужчины, то в настоящее время такая оценка исключается. Поэтому богословы активно пропагандируют новое отношение к женщине, подчеркивая ее равноправие в обществе.

В «Журнале Московской патриархии» уже многие годы этот вопрос разбирается весьма обстоятельно. На его страницах решается, например, проблема: следует ли в христианской религии рассматривать отдельно мужской и женский пол, так как Евангелие провозгласило равенство перед богом как мужчин, так и женщин? Поэтому церковники предлагают делать акцент не на разделение полов, а на их высшее единение «в целостном человеке». В современном православии, указывают они, и женщина и мужчина одинаково олицетворяют душу человека и раскрываются «образом и подобием бога» в равной степени.

Все эти изменения отнюдь не случайны. Самые благоприятные условия для всестороннего развития женщин впервые в истории человечества создала Советская власть. Невозможно отрицать роль женщины в успехах строительства социализма, и поэтому ни один священник не рискнет унизить человеческое достоинство женщин. В проповедях и религиозных статьях прославляются трудовые и героические подвиги женщин как в прошлом, так и теперь. Сделаны многие «послабления», прямо противоречащие канонам богослужебной деятельности. Например, женщины стали принимать причастие, как и мужчины, у царских (главных) врат, (а не у боковых, как прежде). Их допустили к прислуживанию в церкви в качестве чтецов, стали назначать старостами и членами церковных советов и т. д. Русские богословы называют теперь Международный женский день 8 Марта «светлым женским праздником».

Баптисты также заговорили о равноправии женщин в обществе. Бог сотворил их равными, говорят проповедники баптизма, ибо женщина создана из ребра мужчины. Если бы Ева была сотворена из ступни Адама, это бы означало неравенство и полную зависимость женщины от мужчины. В журнале «Братский вестник» мы читаем, что необходимо «по-новому взглянуть на некоторые места Библии и дать новый подход к учению Христа в отношении положения женщины в церк-

ви и в обществе»²¹. Пленум ВСЕХБ в мае 1978 г. признал возможным допускать женщин к проповеднической деятельности и особенно привлекать к миссионерской работе среди неверующих. Нововведением является также установление Дня матери, который проводится ежегодно в мае. В этот день в специальном богослужении отмечаются заслуги женщины-матери и вообще всех женщин. Им оказывают знаки внимания и уважения и преподносят венки из живых цветов.

В век бурного развития науки и техники церковникам становится практически невозможно утверждать преимущество веры над разумом. Но все же богословы в своих статьях и проповедях проводят мысль, что-де каждое научное открытие — выполнение человечеством требований «всевышнего». Приобщение к науке рассматривается иерархами церкви как христианская добродетель, ибо, как утверждают они, «христианину научное знание столь же необходимо, как и его вера в промысел божий». Считаясь с высоким престижем науки в социалистическом обществе, духовенство стремится придать своим богословским рассуждениям научно-образную форму, широко использует научную терминологию. Богословы всех стран, в том числе и в нашей стране, сняли проклятие с учения Дарвина об эволюционном развитии природы. Они заявляют теперь, что якобы само это учение выводится из Библии, как и многие другие научные теории. Церковники открыто приветствуют полеты в космос, считая их богоугодными. На поместном соборе русской православной церкви (1971 г.) патриарх Пимен указал на значение научно-технического прогресса в нашей стране, который направлен прежде всего на благо советского человека. Но, признавая за наукой серьезные успехи, богословы пытаются доказать, что открытия науки якобы способствуют познанию бога, и подкрепляют выводы религии. «Можно смело утверждать,— заявляют они,— что данные науки... подтверждают собой тесный союз науки с верой, идут навстречу Библии и несут радостное утверждение в том, что мир и человек есть творение великих рук божьих». И еще: «Чем основательнее научное познание природы, чем больше познает человек величие мироздания, тем больше свидетельствуется ему премудрость, благодать и всемогущество создателя всей Вселенной».

Баптисты также высоко оценивают развитие науки. В журнале «Братский вестник» подчеркивается значение открытия «звездных ассоциаций», расширяющего наши познания о Вселенной, раскрытие структуры атома, создание баллистических ракет. Руководители баптистских сект призывают своих верующих внимательно изучать явления природы и общества, чтобы быть в курсе политических и естественнонаучных вопросов и свободно проводить беседы с трудящимися. «Богатый знанием служитель Христа,— поучают они,— может произнести проповедь более глубокую и богатую содержанием, чем проповедник малограмотный. Поэтому приобретение знаний имеет великое значение для более успешного и благословенного служения». Но и баптисты также утверждают, что якобы все успехи современной науки подтверждают существование бога: «Законы природы убеждают нас верить в бога, который управляет Вселенной. Неверие в этот факт противоречит логике. Не слепая случайность, а бог создал мир и управляет им».

Модернизация русской православной церкви коснулась и религиозных обрядов. Значительно короче и понятнее стала церковная служба, упрощены ритуалы крещения и причащения. Духовенство перестало настаивать на строгом соблюдении постов и намеревается значительно сократить продолжительность их. Руководство Московской патриархии не осуждает теперь тех молодых священников, которые в свободное от церковной службы время носят обычную и даже модную или спортивную одежду, слушают джазовую музыку, увлекаются спортивными играми и т. д.

Подобные нововведения весьма убедительно иллюстрируют желание церковников сохранить религию и даже привлечь к себе новых верующих в условиях социалистического общества. Именно с этой целью они усиленно модернизируют социально-этические религиозные догматы. Поэтому современное толкование их подчас прямо противоречит известным библейским положениям, многие из которых митрополит Никодим объявил теперь псевдохристианскими, так как они «не отвечают интересам современности».

Духовенство настойчиво пропагандирует идею о том, что церковь в нашей стране может стать активным помощником партии в деле коммунистического воспита-

ния трудящихся. В связи с этим русские богословы занялись разработкой концепции «социальной этики», согласно которой христианский этический идеал близок к коммунистическому. В статьях «Журнала Московской патриархии» и в устных выступлениях религиозные деятели подчеркивают, что-де православие высоко ценит многие социальные и этические идеалы, пропагандируемые коммунистами. Особенно им близок, заверяют священнослужители, идеал бесклассового коммунистического общества, «допускающего полную свободу всестороннего человеческого развития и гарантирующего полную социальную справедливость»²². На встрече с религиозными деятелями США в 1962 г. было сказано одним из русских богословов, что «идеи социализма, проникнутые любовью к страждущему человечеству, созвучны основе христианского нравственного учения. Эти гуманные идеи достойны сочувствия и поддержки со стороны христиан». «Социальная этика», разработанная богословами, преподносит христианскую религию как якобы самую гуманную, основанную на любви, справедливости и братстве трудящихся и поэтому годную для воспитания нового человека коммунистического общества. «Социальная этика», утверждают священнослужители, будто бы помогает каждому верующему преодолевать низменные стремления и стимулирует его участие в осуществлении общественного прогресса.

Основной проблемой «социальной этики» является проблема взаимосвязи личности и общества, которая, как уже говорилось, якобы раскрывается посредством христианской активности личности и ее трудовой деятельности. Моральным долгом верующих, заверяют богословы, является их активное участие в строительстве нового общества. Богословы раскрывают и другие категории морали. На некоторых из них мы остановимся. Но все попытки церковников разрешить проблемы нравственности ни в коем случае не означают коренного изменения сущности религиозной морали, ибо она по-прежнему выводится из божественного первоначала. Верующим внушается мысль, что-де Евангелие «было с самого начала могучей революционной силой общественного развития» и что только вера в бога может быть опорой нравственности и залогом нравственного прогресса.

Все это свидетельствует о том, что православная «социальная этика», как и другие новации церковников, направлена на защиту и оправдание религии в новых социальных условиях развития нашего общества.

Аналогичную точку зрения раскрывают и баптисты. Лишь религия может служить опорой нравственности, подчеркивают они. Поэтому баптисты требуют от каждого верующего неукоснительного проведения «святой и непорочной жизни». Необходимо, учат пресвитеры, отходить от всего греховного и уподобляться Христу в своих делах и жизни. Задача христиан, говорят они, «являть собой образец самой высокой нравственности, самой самоотверженной и бескорыстной любви, красоты, чистоты и святости Иисуса Христа»²³. В молитвенных домах звучат призывы быть лучшим в труде, в учебе, быть примером для всех в семейной жизни и т. п. Баптистское — значит лучшее. Этот лозунг провозглашен руководством евангельско-баптистской церкви в наши дни²⁴. И не случайно поэтому один баптистский проповедник заключил свое выступление следующим выводом: «Только истинно верующий христианин-баптист и есть настоящий коммунист»²⁵.

Марксистская философия на научной основе раскрыла сущность морали и ее происхождение. Люди, «сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения... из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений»²⁶. Основоположники марксизма-ленинизма в первую очередь подчеркивают классовый характер морали и ее связь с материальными производственными отношениями. Это свидетельствует о том, что богословская мораль не может быть использована в коммунистическом воспитании трудящихся. Вместо подлинных жизненных ценностей она рекомендует иллюзорные, божественные. В этом особенно легко убедиться, анализируя в плане «социальной этики» некоторые нормы морали.

Среди категорий «социальной этики» немало внимания уделяется аскетизму. Аскетизм издавна расценивается богословами как проявление высокорелигиозных и высоконравственных качеств, которые присущи лишь избранным — наиболее преданным богу верующим. Согласно религиозным канонам, аскет ведет изо-

лированную от общества, суровую и полную трудностей жизнь, лишая себя даже самого необходимого.

Русское православие в наши дни дает новое представление об аскетике, что ярко иллюстрирует модернизацию религии. Богословы заявляют, что якобы при правильном прочтении Библии идеи аскетизма означают вполне земные черты, приемлемые для каждого. Аскетизм, говорят они, это дисциплинированность, организованность, сдержанность, которые должны проявлять все верующие. В старом понимании аскетизм не имеет-де никакой ценности для религии, так как отвлекает человека от его важнейших задач на земле и лишает радостей жизни. В одном из выступлений митрополит Никодим сказал, что современной православной церкви нужен «аскетизм особого рода, проявляющийся как в борьбе со злом... так и в служении ближним».

Эволюцию христианского учения об аскетизме весьма ярко иллюстрирует статья на эту тему профессора богословия Н. А. Заболотского, в которой мы читаем, что современная аскеза — «это всецелая отдача себя на служение в семье, на производстве, в общественных отношениях, своим соседям, своему городу, отечеству, наконец — всему миру... Исполнять христианский долг в наши дни — значит быть последовательным борцом за мир, справедливость и подлинный прогресс». Патриарх Пимен включает в понятие аскетизма любовь к окружающим людям.

Решительно отрицают старое представление об аскетизме и баптисты. «История христианства знает немало примеров, когда люди изнуряли свое тело, уединялись в пустыни и леса. Но это неверный путь. Христос не зовет своих последователей убегать от мира, а призывает их, живя среди людей этого мира, светить светом Христа», — читаем мы в баптистском журнале.

Проповедь аскетизма в новом, модернизированном виде не изменяет главного в христианстве — его утверждения тесной связи поступков человека с «промыслом божьим». По мнению представителей церкви, аскеза — это по-прежнему выражение «глубины веры и неукоснительного следования смыслу евангельского благочестия». Они считают целью аскетизма богоуподобление и достижение спасения, т. е. вечной жизни или бессмертия.

«Социальная этика» касается также и вопроса стра-

дания. Старая интерпретация этой категории раскрывала страдание как необходимый, вечный атрибут человеческого бытия. Века сменяются, говорил один проповедник, на смену одним народам приходят другие, «но страдания людей остаются неизменными. Ощущения голода, холода, боли... так же неизменны и вечны, как неизменна и вечна жизнь». По церковному вероучению, страдание — основа нравственного возрождения и укрепления веры, и поэтому церковники превозносили скорби и болезни человека, ибо, утверждали они, чем больше страданий переносит человек, тем теснее соприкасается он с богом, осуществляя как бы сораспятие с Христом. Но в наши дни подобная апологетика страданий не может иметь успеха у верующих советских трудящихся. Их радует и вдохновляет каждое научное открытие, трудовой успех, повышение жизненного уровня — словом, вся наша повседневная жизнь, наполненная оптимизмом. Поэтому русские богословы начали смягчать религиозную трактовку страданий. Теперь они говорят о «разумной умеренности» в толковании этого вопроса, не отрицая при этом его связи с божественным предначертанием. Митрополит Никодим в своих выступлениях порицает безропотное перенесение любого страдания. Он против апофеоза страданий. Многие богословы определяют страдание как многоплодную, самоотверженную деятельность человека и его «жизнь по заветам Христовым, непрестанное болезнование о том, чтобы эти заветы нашли наконец свой доступ к самым черствым или охладевшим сердцам».

«Социальная этика» уделяет значительное внимание и проблеме социального идеала. Существенной стороной модернизации в этом плане является изменение отношения богословов к земной жизни. Известно, что в христианском вероучении с момента его возникновения проводится противопоставление земного небесному. Возможность соединения того и другого предполагается в процессе богообщения. Официальная православная церковь с особой старательностью подчеркивала превосходство небесного над земным. Эту идею подробно освещал «Журнал Московской патриархии» в 40-х годах. «Человек на земле должен жить для неба, должен проводить в жизнь небесный принцип, должен порывать связь с тем, что есть чисто земного, грубого, греховного. Его мысли, чувства и стремления должны быть пре-

имущественно заняты небом, небесными ценностями... Отсюда и проистекает истинный общий взгляд на значение неба и земли. Небо — наша истинная отчизна. Земля же не более как место временного пребывания, где мы являемся странниками и пришельцами»²⁷.

Но подобные изречения всегда и особенно в наши дни шли вразрез с интересами и стремлениями верующих, ибо всем им нужно счастье на земле. Во имя него в нашей стране совершена Октябрьская социалистическая революция. За счастье на земле вели борьбу советские воины в годы Великой Отечественной войны, уничтожая фашистских захватчиков. Поэтому открытое принижение церковью земной жизни и ее ценностей противоречит образу жизни и целеустремлению современных верующих.

В богословской работе протоиерея И. Благовещенского «Цель и смысл жизни по Евангелию» (1961 г.) этот традиционный христианский идеал был подвергнут критике. Ограничение «царства божьего» рамками небесного благополучия модернизаторы объявляют теперь «полным непониманием дела Христова».

На страницах «Журнала Московской патриархии» появляются совершенно иные сентенции, чем те, что пропагандировались им в 40-х годах. Теперь мы там читаем, что христианин-де «призван умножать земные блага для спокойной, радостной и счастливой жизни своих потомков». Далее в журнале подчеркивается, что это будто бы и составляет «смысл жизни человека и является предпосылкой его вечного блаженства»²⁸.

Внедрение социальных мотивов в важнейшие религиозные постулаты — яркое свидетельство модернизации русского православия. Богословы сейчас прославляют земную жизнь и выражают «радость, что жизнь людей благодаря великим научным и техническим открытиям стала богаче и полнее»²⁹.

Богословско-теоретической основой нового курса русского православия по-прежнему остается догмат боговоплощения. Опираясь на него, священнослужители пытаются в наши дни обосновать развитие общества к коммунизму, что рассматривается ими как социальный идеал, установленный свыше.

Это логически привело к тому, что в русском православии в 60-е годы стали развиваться идеи «коммунистического христианства». В основе этого направле-

ния находится вывод о сближении религиозного учения о «царстве божьем» с идеалом бесклассового коммунистического общества. Для утверждения подобного альянса в богословских трудах и в церковных проповедях начала выдвигаться концепция богоустановленности социализма и коммунизма. Так, известный среди священнослужителей профессор богословия Л. Воронов в одном из своих выступлений подчеркивает, что советский человек своими разумными действиями, направленными на строительство коммунизма, якобы объективно выполняет божественную заповедь. Другой богослов говорит, что результаты «социалистического развития позволяют христианам видеть в них божественный перст».

Отмечая успехи развития нашей страны, церковные иерархи убеждают верующих, что многие положения христианского вероучения и политика, проводимая Коммунистической партией, якобы имеют общую основу — Евангелие.

В конечном итоге богословы без тени смущения заявляют, что развитие нашего социалистического общества — это якобы проявление божественной воли и осуществление евангельских идеалов «царства божьего». Такое утверждение вытекает из идеализации современными богословами раннего христианства. Многие из них убеждают верующих, что-де уже раннее христианство стремилось установить общественный характер собственности, уничтожив эксплуатацию и неравенство в обществе, что христиане якобы уже в те далекие времена ратовали за общественный труд и плановое развитие производства.

Но как известно, идеал справедливого общественно-го устройства возник задолго до христианства, о нем всегда мечтали и к нему стремились народные массы в ходе освободительного движения против эксплуатации и социального неравенства. Раннее христианство лишь умело использовало эти стремления трудящихся масс, привлекая их на свою сторону демократическими лозунгами свободы и равенства. Поэтому наличие в первоначальном христианстве бунтарских и демократических элементов не дает никаких оснований объявлять его революционным по форме и коммунистическим по содержанию.

Разрабатывая новый, модернизированный вариант

социально-нравственного идеала, богословы выражают свою готовность участвовать в борьбе за построение коммунизма. Построение коммунизма, говорят они, неизбежный процесс, который-де происходит с благословения божьего и отвечает интересам народа. Коммунистические идеалы открыто объявляются «созвучными евангельским идеалам», где якобы обнаруживается полное «соответствие творения его целям».

«Царство божье» как социальный идеал фигурирует и в баптистском вероучении. Ему также приписываются в наши дни черты коммунистического общества. Проповедники баптизма утверждают, что при коммунизме, как в «царстве божьем», не будет ни эксплуатации, ни слез, ни печали, ни смерти. Они подчеркивают общечеловеческий характер «царства божьего», принципы которого уже осуществляются на земле.

В своих выступлениях и проповедях баптисты высоко оценивают успехи нашего народа в деле коммунистического строительства. Но без веры в Христа, говорят они, этого добиться невозможно. Необходимо поэтому глубоко познать Христа, принять его в свою душу, полюбить его и полюбить всех. Это означает «революцию духа», которая-де и приведет к революционным преобразованиям общества. Опираясь на подобные положения, баптисты создают богословскую концепцию «освободительной» миссии христиан от противоречий и конфликтов в современном мире. Учитывая неиссякаемое стремление людей создать справедливое общество, баптистские теологи поддерживают их идеалы, подчеркивая, что настоящей заботой церкви является построение нового и лучшего мира.

Однако возможность создания нового общественного строя «кроется в могуществе божьем», утверждают пресвитеры. Именно поэтому человек, принявший крещение, согласно баптистской вере, должен взять на себя роль мессии, пришедшего в мир для спасения неверующих. Это назначение христианина-баптиста вытекает из сущности его вероучения. С христианским учением, заявляют баптистские проповедники, не может сравниться никакое другое, ибо только христианство, по их словам, «спасает и возрождает личность, поднимает, возвышает и освящает семью, в корне видоизменяет общество, облагораживает нации, объединяет расы, племена, народы». Во всем этом с нескрываемым апломбом звучит

стремление противопоставить антинаучные идеи баптизма теории марксизма-ленинизма.

В действительности любое религиозное учение не может быть осуществлено, ибо его основой является мистическое, иррациональное представление о «божественном». Марксистско-ленинское учение о новом коммунистическом обществе возникло на основе анализа неразрешимых противоречий капитализма и империализма. Марксизм-ленинизм широко использовал в своих выводах опыт борьбы трудящихся масс от их первых выступлений до победы социалистической революции. Марксистскому мировоззрению чужд дух мистики и иррационализма, которыми оснащена религия. Все это свидетельствует о несовместимости этих двух идеологий и о невозможности каких-либо компромиссов между ними. Поэтому критика религиозных представлений о социальном идеале и раскрытие сущности коммунистического идеала являются не только задачей общественных наук, но и важнейшей частью современной идеологической борьбы.

Модернизация и приспособление христианского вероучения привели к разработке концепции «богословия революции» в русском православии. Знакомство с определенными положениями ее делает очевидным определенное сходство взглядов богословов как с взглядами левых христиан (бунтующие падре), так и адептов (приверженцев) «христианского социализма», пропагандируемых на Западе³⁰.

Поддерживая некоторые требования латиноамериканских бунтующих падре в решении социальных проблем, русские священнослужители с уважением и симпатией оценивают их деятельность. «Журнал Московской патриархии» неоднократно писал о жизни, борьбе и героической гибели колумбийского католического священника Камилло Торреса. Вместе с тем в «богословии революции» более решительно и последовательно осуждается капитализм. Сторонники этого направления считают необходимым его уничтожение для построения справедливого социалистического общества. Иерархи русского православия указывают при этом на конкретные примеры победы социализма в СССР и в других странах.

Все это означает стремление богословов не только идейно-теоретически оправдать революцию, но и нау-

читать христиан понимать ее и участвовать в ней. «Если мир преобразуется революционным путем,— говорят они,— то... христиане обязаны участвовать в революциях и богословски понимать и оправдывать их». Представители русской православной церкви защищают идею революции на международных симпозиумах и конференциях. В своем выступлении на одной из таких встреч архиепископ Николай указывал, что «новые времена настоятельно требуют обновления жизни, и прежде всего новых ее социальных устоев... Так происходит революция». Далее он говорил, что революция не самоцель, что она является «неотвратимой социальной необходимостью там, где общество оказывается на краю гибели». Архиепископ рекомендовал «связывать свою проповедь и учение с пониманием существующей революционной ситуации».

Сторонники «богословия революции» в пропаганде своих выводов используют соответствующую терминологию. Так профессор богословия В. М. Боровой говорил, что «грешно склоняться перед злой, греховной природой общественной». Он призывал верующих к покаянию, суть которого означает теперь у духовенства коренную перемену мыслей и коренную ломку прежнего образа жизни. «Покаяние,— указывает В. М. Боровой,— это радикальный отказ от старого, греховного и столь же радикальное принятие... всего себя в новой совершенной жизни, т. е. все то, что мы называем революцией».

Иерархи церкви и в устных и в печатных выступлениях подчеркивают необходимость преобразования революционным путем «травмирующих человека общественных отношений». Все эти новации означают, что для русского православия «богословие революции» — совершенно новая линия поведения, направленная на поддержку истинных чаяний трудящихся всего мира в их борьбе за справедливый общественный порядок. Апологеты этого направления признают деление мира на две системы, осуждают неокOLONиализм и антисоветизм. Единственный путь социального прогресса они видят в социализме. Именно поэтому богословы, критикуя капитализм, ополчаются и против его защитников — буржуазных теоретиков. Так, в одной из статей религиозного журнала дается подробный критический разбор теории конвергенции и теории индустриального общества, доказывающаяся их несостоятельность. Автор статьи призывает

верующих не следовать антинаучным положениям буржуазных социологов и называет утопической теорию конвергенции³¹. Богословы выступают также против буржуазных теорий затухания классовой борьбы и сближения классов в современных условиях капиталистического строя. «Церкви должны видеть, что проповедь классового примирения не способна утишить классовые волнения, ибо в основе классовой борьбы лежит вопиющая социальная несправедливость»³², — читаем мы в религиозном журнале.

Все это ни в какой степени не устраивает теологов капиталистического мира, и особенно Ватикан. И не случайно поэтому папа Павел VI оценил «богословие революции» в своей речи 21 октября 1970 г. как противоречащее христианскому смыслу жизни и не соответствующее духу Евангелия³³.

Доказывая неизбежность установления социалистического строя, богословы, однако, снова прибегают к положениям Библии. Они преподносят библейское сказание о борьбе грозного Голиафа с маленьким и скромным Давидом как «современное состязание между могущественным мировым капитализмом и только что народившимся социализмом». Борьба, согласно Библии, завершается победой Давида, что интерпретируется богословами как «исторический исход борьбы между силами уходящего мира и силами грядущего».

Суть религиозного миропонимания, таким образом, не изменяется, ибо всякое общественное явление по-прежнему выступает как результат «промысла божьего». «Социальные требования нашего времени должны быть поняты христианскими церквями как проистекающие из божественных заповедей», — предупреждают богословы.

«Богословие революции» исходит из реальных успехов развития нашего общества и накала классовых битв во всем мире. Священнослужители поддерживают революционные преобразования в нашей стране, совершенные трудящимися. Это подчеркивалось в послании патриарха Алексия по поводу 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с 60-летием революции патриарх Пимен отметил, что верующие «воодушевлены высокими идеалами справедливого бесклассового общества... и продолжают вносить свой вклад в общенародный подвиг созидания и совершенствования

нашего общества». Любое событие в нашей стране не проходит мимо богословов, они пользуются каждым поводом, чтобы показать свою в них заинтересованность.

Церковь не оставила без внимания принятие новой Конституции СССР. Патриарх Пимен высоко оценил «воплощение в тексте новой Конституции развития социалистической демократии, создающей реальные условия для всестороннего совершенствования каждого гражданина нашей страны». Но вместе с тем богословы методично и последовательно внушают верующим старую ветхозаветную мысль о том, что все будто бы идет от бога и поэтому-де и «в происшедших в нашей стране всесторонних изменениях действует промысел божий».

В непосредственной связи с «богословием революции» следует рассматривать новое толкование образа Христа в русском православии. Как и на Западе, богословы нашей страны стремятся провести мысль, что Христос — это исторический Иисус, т. е. высшая (а значит, божественная) человеческая личность. Некоторые иерархи русской церкви готовы представить его не только божественной личностью, но одновременно и революционером, борющимся за интересы простого народа. В этом плане весьма примечательно выступление на конференции представителей всех религий СССР (1969) архиепископа Николая. Он привел из Евангелия слова Христа: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он возгорелся», и пояснил это как желание Христа совершить революцию. Огонь — это символ очищения. Христос жаждет очистить землю от зла, говорил Николай, и показывает всем, как это нужно сделать: он берет бич и изгоняет торгашей из храма. «В христианском миропонимании,— продолжал архиепископ,— храмом является весь мир божий. Не удивительно, если господь бог решил, наконец, изгнать из этого... прекраснейшего храма божьего всех торгашей, всех бизнесменов, торгующих кровью людскою, уродующих и растаптывающих ценнейшее достояние божие на земле — жизнь человеческую». Далее он заявил, что по примеру «первого революционера» — Христа действует и пролетариат. «Евангельский Христос взял бич, а современный пролетариат, доведенный «сильными мира сего» до отчаяния, хватает камень или автомат. Такова неуловимая логика исторического социального процесса», — заключал архиепископ.

Изменились представления о Христе и в баптизме. Если дореволюционные руководители баптизма усиленно говорили о царском происхождении Христа (от иудейского царя Давида), то современные устанавливают другое родство. В одной из инструкций баптистов говорится: «В беседах с братьями и сестрами рекомендуется заострять внимание на том, что, по Евангелию, Иисус Христос был происхождения пролетарского, сын мелкого ремесленника — плотника Иосифа, а мать его была трудящаяся женщина. Следовательно, спаситель мира по социальному положению своему стоит близко к пролетариату... Иисус Христос был великий социалист, коммунист, духовный отец и предшественник коммунистической партии»³⁴.

Из всего сказанного вытекает, что модернизация русского православия является как бы защитной реакцией для сохранения религии и веры в новых социальных условиях. Полный разрыв политических связей религиозных организаций с эксплуататорскими классами царской России, а также признание ими нового строя и оказание ему поддержки, безусловно, явление положительное. Международные контакты с верующими других стран, которые устанавливают богословы, играют значительную роль в деле борьбы за мир и прогресс. Известно, что русское духовенство принимает активное участие в международных встречах, конференциях, совещаниях как представителей христианских церквей и сект, так и других вероисповеданий. С 1961 г. русская православная церковь — непременный участник Всемирного совета церквей. Она энергично включилась в движение за воссоединение христианских церквей. Русские православные иерархи выступают за мир и социальную справедливость для всех народов. На Всемирной конференции, посвященной проблеме «Церковь и общество» (1966), русские богословы открыто выступили в защиту идеи социалистической революции с позиций «богословия революции». В 1977 г. в Москве по инициативе патриарха Пимена состоялась Всемирная конференция на тему «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами», в которой участвовали представители всех религий мира из 107 стран.

Необходимо отметить, что представители русского православия в своих выступлениях на всех международ-

ных встречах проводят четкую грань между агрессором и тем, на кого он нападает. Богословы выражают горячую поддержку жертвам нападения в любом районе мира. Один из русских священнослужителей говорит, что «с порабощателями, империалистами и агрессорами бога нет даже в том случае, если они считают себя христианами и совершают свои насильственные действия во имя Божье». Профессор богословия В. М. Боровой, выступая перед представителями Всемирной студенческой христианской федерации, подчеркивал, что русская православная церковь являет собой такой пример, мимо которого западное христианство не может пройти. Это связано с тем, указал докладчик, что старый западный мир «находится на пороге гибели, и недалек день, когда церкви на Западе встретятся с новым, справедливым порядком общественных отношений, в котором им неизбежно придется находить свое место».

Безусловно, приспособление к новому строю, к новым производственным отношениям — отношениям взаимопомощи и сотрудничества — очень сложный процесс для всех религиозных деятелей, и пионерами в этом оказались русские богословы.

Модернизация русского православия отличается от модернизации религии в любом классовом обществе тем, что впервые в истории человечества возникло государство, не нуждающееся в укреплении его со стороны религии.

Православные богословы прилагают все усилия к тому, чтобы сформировать у верующих как бы новое «общественно-христианское сознание, которое способно синтезировать глубокую православную веру, преданность традициям с социалистическим образом мышления»³⁵. Это необходимо для того, чтобы верующие могли в своей практической деятельности совмещать религиозные взгляды и социалистические убеждения.

Несомненно, однако, что обновленная, модернизированная религия представляет определенную опасность. Прикрываясь новой терминологией, она, как мы видели, выступает с более лояльными и гибкими выводами, которые могут увлечь неискушенных людей. Их подкупают якобы искренняя заинтересованность церкви в решении жизненно важных социальных проблем нашего общества, новые концепции по вопросам этики, общественной жизни и т. д. Тщательно отработанные проповеди и за-

душевные беседы священников и пресвиторов с теми, кто ищет утешения и спасения от жизненных неурядиц в храмах и молебных домах, нередко также способствуют вовлечению их в религиозную атмосферу. Поэтому разоблачение религиозного мировоззрения в наши дни требует очень серьезного и вдумчивого подхода к этой задаче. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин писал: «Массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»³⁶.

Модернизация русского православия свидетельствует о стремлении церковников укрепить свои позиции в социалистическом обществе. Между тем модернизация религии является не чем иным, как саморазоблачением ее. В процессе модернизации окончательно подрывается идея богоустановленности религии как «вечной богооткровенной истины», ибо многие догматы и каноны православия весьма заметно изменяются, а подчас даже и противоречат «вечной» истине. Это должно привести верующих к выводу, что религия не является божественным откровением, а представляет собой результат самостоятельной человеческой деятельности, направленной к определенной цели. Пропагандистам научного атеизма необходимо исследовать существо каждого новшества, вводимого русской церковью, и давать ему правильное истолкование. Модернизированная аргументация православного вероучения и обовлеченный богослужебный уклад не имеют принципиальных отличий от традиционных христианской идеологии и культа.

Анализируя новации в деятельности богословов, мы видим, что модернизированная, подновленная религия ни в коем случае не может быть прогрессивной, ибо при всей радикальности перемен, происходящих в русском православии в наши дни, оно не перестает оставаться антинаучным мировоззрением, предлагающим своим последователям ложные, иллюзорные идеалы и ориентиры как в их общественной, так и в личной жизни.

Проводя последовательную атеистическую работу, Коммунистическая партия и Советское правительство вместе с тем одобряют и поддерживают желание верую-

щих активно участвовать в жизни нашего общества и вносить свой трудовой вклад в его дальнейшее укрепление и развитие.

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Религия в капиталистических странах переживает глубокий кризис, который выступает как составная часть общего кризиса империализма. Это свидетельствует о том, что кризис религии не случайное, а закономерное явление современного капиталистического строя. В Основном документе, принятом Международным совещанием коммунистических и рабочих партий (1969), подчеркивалось, что в настоящее время религии «переживают идеологический кризис, расшатывающий их вековые концепции и сложившиеся структуры»³⁷.

Причин, породивших кризис религии, много. В первую очередь это Октябрьская социалистическая революция, приведшая к победе социализма в нашей стране и образованию мировой социалистической системы. Кроме того, крах колониализма, сопровождавшийся мощным подъемом национально-освободительного движения. Углублению кризиса религии способствовали также рост революционной борьбы трудящихся в капиталистических странах и распространение марксистско-ленинского мировоззрения.

Все эти процессы раскрыли прежде всего абсурдность религиозных концепций о бессилии человека и его якобы полной зависимости от «промысла божьего». Не менее сокрушительный удар по религиозному мировоззрению нанесла научно-техническая революция, убедившая многих верующих в полной несостоятельности религиозных вымыслов о сотворении мира богом и превосходстве божественного над материальным. На XIII съезде Итальянской коммунистической партии (1972) ее генеральный секретарь Э. Берлингуэр отмечал, что определенная часть католических масс уже не склонна считать единственно возможным и исчерпывающим «ответ католической церкви на земные проблемы человека — политические, экономические, социальные, гражданские, культурные»³⁸.

Кризис религии проявляется в сокращении числа

лиц, посещающих церковь. Особенно заметно ослабление ее влияния среди прихожан в возрасте от 20 до 40 лет и прежде всего в крупных промышленных центрах. Это касается Франции, Англии, Италии, ФРГ и других стран капиталистического Запада. Во Франции, по данным института общественного мнения, более 27% опрошенных считают, что важнейшим фактором потери веры в бога является прогресс науки и техники, свидетельствующий о могуществе человека.

Один из католических журналов пишет, что рабочие приходят в церковь лишь для того, чтобы крестить ребенка, венчаться и хоронить близких. Количество прихожан, посещающих мессы, год от года падает. Даже в Италии есть районы, где к мессе ходит один человек из пяти, причащаются лишь 2% квалифицированных рабочих³⁹. Кроме того, религиозные центры обеспокоены значительным и невосполнимым сокращением количества священников, отсутствием желания у молодых людей получить богословское образование. Растет также число случаев добровольного отказа католических священников от сана. В целях увеличения духовенства Ватикан учредил специальный ежегодный день молебнов за пополнение церкви молодыми священниками.

Клерикалы понимают, что в новой исторической ситуации необходимо проводить пропаганду своих идей с учетом конкретных социальных условий. А это значит, что и католическая, и протестантская, и любая другая церковь не могут уйти от насущных жизненных проблем, не могут игнорировать возрастающие классовые противоречия в капиталистическом обществе.

Поэтому в воззрениях теологов наблюдаются важные изменения. «Эти изменения произошли за последние 10—15 лет и объясняются тем, что христианская церковь вынуждена по-новому формулировать свое отношение к вопросам, волнующим современного человека... В наше время свершаются глубокие революционные преобразования общества. И теологии и церкви, если они хотят устоять в современном мире, приходится выработать собственное представление о путях разрешения проблем общественного развития»⁴⁰, — пишет коммунист из ФРГ Р. Штайгервальд.

Модернизация религии стала активно проявляться во время подготовки и длительной работы 2-го Ватиканского собора (1962—1965). Начало этому положил папа

Иоанн XXIII, отстаивавший необходимость изменений в религиозной деятельности и настоявший на созыве 2-го Ватиканского собора. На вопрос журналистов о задачах собора папа недвусмысленно ответил: «Впустить в церковь немного свежего воздуха»⁴¹. После его смерти обновление религии проводил папа Павел VI, вызвав тем самым недовольство консервативных, реакционных иерархов католической церкви.

С октября 1978 г. во главе Ватикана стоит новый папа — Иоанн-Павел II, который вынужден считаться с тем, что «в современную эпоху все дороги ведут к социализму»⁴², и поэтому надо осторожно менять традиционную устаревшую политику церкви, как это начали делать его предшественники — Иоанн XXIII и Павел VI.

Следует отметить, что на Западе процесс обновления религии (в частности, католической) проходит не совсем гладко. Значительная часть высокопоставленных сановников церкви отрицает необходимость каких бы то ни было изменений. Это так называемые традиционалисты. Другая группа церковных деятелей считает обязательным проводить постепенные, умеренные изменения и реформы в политике церкви (их называют обновленцами). В своем большинстве они выступают за сохранение капитализма, так как рассчитывают «улучшить» современное общество постепенными реформами. Клерикалы-обновленцы разделяют выводы сторонников теории конвергенции о якобы возможном слиянии капитализма и социализма. Они активно поддерживают антинаучные выводы буржуазных социологов Р. Арона, У. Ростоу и других, пропагандирующих ту же идею слияния капитализма и социализма и отрицающих поэтому социалистическую революцию. Теологи-обновленцы готовы провести некоторую модернизацию религии, но лишь для того, чтобы поддержать капиталистическое общество, спасти его от неминуемой гибели. Третья группа — прогрессисты, или левые, которые резко критикуют капиталистическую систему и требуют существенных перемен в экономической и политической жизни этих стран и государств так называемого третьего мира. Они выступают пропагандистами новой теологии, которая якобы должна способствовать преобразованию общества.

Социальная доктрина католической церкви ближе

всего подходит к выводам обновленцев. Церковь делает все, чтобы трудящиеся поддержали ее политику и поэтому, защищая капитализм, маскируя его язвы и противоречия, вырабатывает утонченное, демагогическое толкование многих религиозных положений как в области социально-экономических проблем, так и в вопросах богослужения.

Теологи опираются в своей новаторской деятельности на положение конституции «О церкви в современном мире», принятой на 2-м Ватиканском соборе.

Некоторые иерархи церкви допускают, как мы увидим, критику отдельных сторон буржуазного общества, усиленно пропагандируя идею о том, что современная церковь должна-де стать церковью бедных, их домом, их утешением.

Поэтому подобная модернизация не грозит отступлением от основ религиозного мировоззрения. Перед теологами поставлена задача проводить любые перемены так, чтобы они не затрагивали «коренные принципы религии, сущность ее идеологии и политики», а наоборот, служили бы «их укреплению и эффективности в деле воздействия на сознание миллионов людей» ⁴³.

Клерикалы прежде всего стали уделять большое внимание человеку как личности. Если в прошлом церковь рассматривала человека как жалкую, беспомощную песчинку, зависящую от воли всевышнего, то теперь человек раскрывается как творец своей жизни, своих успехов и неудач.

Сравнительно недавно подобный вывод расценивался как богопротивное и еретическое положение, но, «забыв» это, Павел VI в своем выступлении по случаю 50-летия Международной организации труда (1969) сказал, что-де христианство всегда подчеркивало роль трудящегося человека, значение его труда для всего общества. Во многих папских документах личность рассматривается как первичный фактор и источник развития любой социальной структуры. «*Природа людей* требует, чтобы они имели возможность лично совершенствоваться при исполнении своей производственной деятельности», — указывается в одной из папских энциклик (обращений римского папы к церквам) и далее делается вывод, что-де если какая-либо экономическая система будет унижать человеческое достоинство и «препятствовать проявлению... *личной инициативы*, то

такая экономическая система несправедлива»⁴⁴. Но вместе с тем богословы считают своим долгом подчеркнуть, что, только достигнув божественного совершенства, человек может стать подлинным творцом своей жизни и жизни общества. Таким образом, христианский гуманизм, как и следовало ожидать, по-прежнему лишает человека самостоятельности и полностью отдает его во власть всевышнего, но делается это в более утонченной и ухищренной форме.

Модернизация религии на Западе не могла не коснуться вопроса о женщине. Как известно, церковь всегда подчеркивала ее неравенство в обществе и лишала многих гражданских и семейных прав и привилегий, поддерживала унижительное положение женщины не только в семье, но и в церкви. (Там ей отводилось особое, отдельное от мужчин место, запрещалось входить в алтарь, после родов в течение десяти дней посещать храм и т. д.)

В современных условиях клерикалы вынуждены пересмотреть этот вопрос, ибо роль женщины в общественной жизни всех стран мира значительно возросла. Уже в 1945 г. папа Пий XII обратился к женщинам-католичкам с посланием, в котором признавал, что эмансипация женщин стала реальным фактом и имеет положительное значение для общественного развития. Правда, современные теологи связывают эмансипацию женщин с библейским образом девы Марии, которая якобы не только родила Христа, но и была приобщена богом к делу спасения человечества от грехов.

Ватикан охотно поддерживал решение ООН о проведении в 1975 г. Международного года женщины. В послании Павла VI участникам Международной конференции женщин в Мехико особенно подчеркивалась роль женщины в общественном прогрессе и в борьбе за мир.

Теологи все более предпочитают теперь новую интерпретацию труда и трудовой деятельности человека. Правда, некоторые клерикалы еще пытаются отстаивать библейский взгляд на труд как на божью кару за первородный грех Адама и Евы, но многие из них открыто выступают против этого. Левые богословы, о которых говорится ниже, особенно настаивают на том, чтобы создать новую теологию труда. Ватикан вынужден учитывать подобные настроения духовенства и при-

слушиваться к мнению верующих, заинтересованных в том, чтобы их трудовая деятельность была справедливо оценена церковниками.

Решая этот вопрос, теологи не раскрывают социальной значимости труда, а представляют его как божье дело. Они утверждают, что-де первым работником был сам бог-творец — «архитектор Вселенной», который «возложил на человеческий род обязанность продолжать его труд». Поэтому бог, завещавший людям неустанно трудиться в поте лица, «всегда был и будет на стороне трудящихся и обремененных: божье благословение на работе людской, ибо она есть продолжение творческой деятельности бога»⁴⁵. Церковники не только у нас в стране, но и на Западе теперь нередко представляют Христа плотником, который был сыном простого человека, труженика-плотника Иосифа и «захотел вести жизнь ремесленника». Они подчеркивают далее, что каждый рабочий должен быть уверен, что Христос высоко ценит его труд и всегда готов «сойти с небес, чтобы стереть пот с его лица». В специальном апостольском документе, опубликованном Ватиканом в 1971 г. (Октогезима адвентиенс), указывается, что-де лишь религиозное освящение труда поможет проникнуть в сущность человеческого труда и тем самым якобы будет приостановлено падение веры в бога.

Клерикалы наших дней подчас чуть ли не рекламируют свое якобы негативное отношение к капитализму. Но это проявляется в демагогической форме. Являясь непосредственными свидетелями роста классовой борьбы и активного выступления молодежи, они, опасаясь оказаться в изоляции, вынуждены дать соответствующую оценку некоторым социальным процессам. В этой связи наблюдаются попытки раскрыть наиболее вопиющие противоречия капитализма. Впервые это прозвучало в энциклике «Матер эт Магистра» (1961), а затем и в ряде решений последнего собора. Позднее в энциклике «Популорум прогрессию» дается довольно подробный анализ капиталистического общества и говорится о неравенстве, несправедливости, противоречиях и классовой борьбе. Там осуждается чрезмерное скопление богатств у одних членов общества при нищете других и т. д. Но выход из этого положения рекомендуется один — реформы. Клерикалы всех стран, охваченных пожаром классовых битв, пытаются внушить

трудящимся мысль о постепенном, реформистском пути развития капиталистического общества, о возможном превращении его в новое, прогрессивное, но... по рецепту апологетов капитализма.

Все это уже знакомая политика полумер, которую издавна культивирует церковь. Классовую сущность этой политики вскрыл В. И. Ленин, подчеркивая, что духовенство всегда стремится «утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»⁴⁶.

Для того чтобы как-то сгладить противоречия современного классового общества, иерархи католической церкви рекомендуют планирование и программирование (энциклика «Популорум прогрессии»). Через все эти документы проводится мысль, что любая перестройка общества с помощью реформ должна проходить постепенно, не изменяя сущности самой системы. Во всей этой деятельности по «усовершенствованию» капитализма церковь отводит себе главную роль. Она и не может поступать иначе, ибо, как известно, Ватикан имеет солидный доход, участвуя во многих финансовых операциях своей страны. После второй мировой войны усилились связи между Ватиканом и монополиями США, его деньги вложены в компании «Боинг», «Локхид», «Куртисс-Райт», «Дюпон» и многие другие. Капитал Ватикана состоит не только из акций, но и из земельной собственности во многих странах мира.

Это положение западной церкви обязывает ее очень осторожно подходить к вопросу о праве на частную собственность.

До 2-го Ватиканского собора во всех папских документах (энциклики Льва XIII, Пия XI, Пия XII) подчеркивалась мысль о божественности и вечности частной собственности, указывалось на то, что-де право частной собственности подтверждается Евангелием и т. д.

В наши дни католическая церковь также признает необходимость сохранения частной собственности, но уже без ссылки на ее божественное происхождение.

В энциклике «Популорум прогрессиио» допускается даже изъятие земельных владений у собственников в том случае, когда эти владения очень обширны и плохо используются. Но при этом указывается на нежелательность непродуманной аграрной реформы, коллективизации и произвольного планирования земельных участков⁴⁷.

Обновленческая деятельность теологов никак не может обойти вопроса о классах и классовой борьбе в современном обществе. Известно, что в церковных документах конца XIX и начала XX века классовое деление рассматривалось как естественное состояние общества и делался вывод, что-де классовый антагонизм, раскрытый Марксом,— опасная выдумка, так как все население общества стремится жить в мире и сотрудничестве. «Социальные принципы христианства,— писал по этому поводу К. Маркс,— проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал»⁴⁸.

Чтобы внушить верующим страх перед классовыми выступлениями, церковь даже объявила, что первым забастовщиком был дьявол. Но так как классовая борьба не прекращалась, клерикалы начали особенно активно пропагандировать идею смирения и терпения. «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению»⁴⁹,— писал В. И. Ленин. Иллюстрацией к этому ленинскому положению служит послание папы Пия XII, в котором утверждается, что все обездоленные и нуждающиеся занимают у бога почетное место и им уготовано царство небесное.

Церковь в наши дни стремится оторвать рабочих от их классовых организаций, создавая свои объединения для пропаганды «мира в промышленности», «сотрудничества предпринимателей и рабочих» и т. п. В США, например, имеется специальная организация «Церковь и профессиональные союзы», играющая роль посредника между капиталистами и рабочими и использующая духовенство для ликвидации всевозможных конфликтов. В ряде промышленных городов Америки существуют религиозные «индустриальные миссии», которые занимаются вопросами воспитания рабочих и

проводят на заводах утренние молитвы, чтобы «повысить» производительность труда и дисциплину.

Затушевывая остроту классовых антагонизмов, один из известных церковных деятелей Франции, П. Биго, утверждает, что в современном капиталистическом обществе существует якобы лишь одна социальная категория трудящихся — трудящиеся-капиталисты и трудящиеся-рабочие. Их интересы, заверяет он, могут не совпадать на каком-то небольшом отрезке времени, но совпадают исторически в целом.

Пропаганда классовой гармонии и создание различных клерикальных организаций среди рабочих не могут остановить накал классовых битв, охвативших все страны капиталистической системы. Поэтому на 2-м Ватиканском соборе высшее духовенство не рискнуло обойти молчанием вопрос о тяжелом положении трудящихся в капиталистических странах, о росте там нищеты, безработицы и усилении классовой борьбы. В результате в решениях собора появилось признание того, что забастовка рабочих может стать необходимым средством защиты их прав. Но вместе с тем целый ряд оговорок сводит на нет этот вывод.

Массовые выступления трудящихся и молодежи в 60-х годах в ряде стран, и особенно во Франции, заставили многих клерикалов более четко определить свою позицию. В связи с этим представляет большой интерес документ, опубликованный французским епископатом (1966), «Размышления о современном экономическом и социальном положении», который является убедительным свидетельством стремления теологов приспособиться к исторической обстановке сегодняшних дней. В «Размышлениях» указывалось на ухудшение положения трудящихся Франции, говорилось о наличии противоречий в обществе и о классовых боях. Епископы подчеркивали, что прогресс в обществе невозможен без гарантированного права на труд, что необходимо улучшить материальное положение трудящихся и т. д.⁵⁰ Однако они лишь констатировали отдельные негативные стороны капитализма, но не указывали, каким путем следует избавиться от порочной системы частного предпринимательства.

Если крупные предприниматели враждебно встретили «Размышления», то Ватикан одобрил некоторые положения этого документа. Они даже нашли отраже-

ние в энциклике Павла VI «Популорум прогрессиио». «В то время как в некоторых странах,— говорится там,— привилегированные олигархии наслаждаются плодами утонченной цивилизации, остальная часть населения в бедности и разрозненности лишена почти всякой возможности личной инициативы и доступа к ответственной работе и прозябает в условиях жизни и труда, недостойных человеческой личности»⁵¹. Но вместе с тем церковь решительно осуждает такую форму борьбы трудящихся, как восстание. Клерикалы рекомендуют рабочим не бороться, а сотрудничать с предпринимателями и приобретать акции. Они не скрывают своей цели создать единство интересов в рамках предприятия между всеми теми, кто на нем работает. Не случайно поэтому, что еще в 1953 г. папа Пий XII объявил международный праздник солидарности трудящихся 1 Мая праздником, посвященным святому Иосифу, рабочему (плотнику), земному отцу Иисуса Христа как подтверждение имеющейся якобы солидарности между трудом и капиталом.

Социальная доктрина церкви отражает ее идейно-политическую эволюцию и откровенное стремление приспособиться к новым историческим условиям. Обновление социальных положений необходимо еще и потому, что многие рабочие-католики активно ведут борьбу против буржуазии и в их выступлениях нередко принимают участие радикально настроенные отцы церкви. Так, например, в крупных демонстрациях рабочих Франции (1968) участвовали священнослужители. Многие епископы разных стран, поддерживая рабочих в их борьбе, призывают предпринимателей улучшить положение трудящихся. Известны и другие факты. Совсем недавно, например, очень впечатляюще прозвучало выступление священника Майлса Бланшера в американском журнале «Черчмен». Оно перепечатано с некоторыми сокращениями в газете «Известия»⁵².

Модернизируя религию, современные адепты христианства стремятся сблизиться с верующими для понимания их переживаний и проникновения во внутренний мир каждого. Церковь, подчеркивал Павел VI на соборе, еще никогда не стремилась так «узнать, понять окружающее общество, приблизиться к нему, проникнуть в него, служить ему... догнать его в быстром и непрестанном изменении»⁵³.

Католическая церковь опирается в своей деятельности на положения конституции «О церкви в современном мире», принятой на последнем соборе. Этот документ свидетельствует о ее готовности пересмотреть некоторые выводы по социально-политическим проблемам, модернизировать их в свете новых требований. Поэтому во многих католических странах усилилось стремление церкви активизировать деятельность священников среди рабочих, укрепить их контакт с верующими вне рамок церковной службы. С этой целью в 50-х годах во Франции епископатам были направлены на заводы Парижа и других промышленных городов несколько сот священников и монахов. Они снимали комнаты в рабочих семьях и трудились на заводах. Но многие из служителей культа стали открыто поддерживать борьбу трудящихся за свои права. Тогда Ватикан запретил священникам поступать на предприятия в качестве рабочих. Однако 2-м Ватиканским собором инициатива французского епископата была одобрена и рекомендована для широкого использования всеми церковниками.

Добиваясь расположения трудящихся, богословы готовы внести некоторые изменения в христианское вероучение. Если раньше, например, религия раскрывала цель жизни на земле как приближение к «небесному отечеству», то теперь клерикалы не отрицают радостей земной жизни. Они утверждают даже, что-де с точки зрения христианства земная жизнь имеет очень высокую ценность, ибо является основой нравственного совершенствования человека, необходимого для его перехода в будущую, «неземную жизнь». Из этого следует, что призыв представителей духовенства вести борьбу за лучшую земную жизнь является признаком того, *«что церковные иерархи вынуждены менять свои традиционные представления в соответствии с деятельностью и борьбой трудящихся масс»*⁵⁴. (Подчеркнуто нами.— Авт.)

Ратуя за лучшую земную жизнь, церковники решительно отрицают необходимость социальной революции. Они считают незыблемым капиталистический строй и лишь рекомендуют его «усовершенствовать» путем постепенных изменений. Спасение, говорил Пий XII в одном из выступлений перед рабочими, не в революции. Только путем поступательной, осмотрительной эволю-

ции могут быть осуществлены социальные перемены, которых добиваются рабочие ⁵⁵.

На 2-м Ватиканском соборе с признанием неизбежности революции согласилась лишь небольшая группа так называемых левых епископов из стран Латинской Америки. Поэтому теологи по-прежнему призывали уповать на премудрость божью в разрешении всех социальных проблем.

В плане реализации новой социальной доктрины наиболее сложным является отношение клерикалов к социализму. Если в прошлом во многих энцикликах и документах Ватикана социализм предавался анафеме и нарекался дьявольским, антихристовым порождением, смертельной язвой человечества и т. д., то уже после окончания второй мировой войны и возникновения мировой социалистической системы этого делать было нельзя. Ибо для всех стало очевидным, что «социализм уже сегодня оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на земле. Он обеспечивает людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем» ⁵⁶.

Махровый антикоммунизм прошлого оттолкнул значительную часть верующих от церкви. Это привело к тому, что многие ее иерархи, не признавая неизбежности социализма, стали на позиции более гибкой и тонкой борьбы против него. Ибо, как признавались сами теологи, коммунизм нельзя уничтожить с помощью политической дубинки, необходимо искать пути усиления влияния на умы и души трудящихся. Поэтому на 2-м Ватиканском соборе не прозвучало осуждения коммунизма, а поднимался вопрос о диалоге. «Будем же избегать всякого нового осуждения коммунизма... Это решительно ничего не изменит... Напротив, диалог может принести пользу» ⁵⁷, — констатировал один из кардиналов.

Трудящиеся-верующие не скрывают своей симпатии к марксизму и приветствуют укрепление мировой системы социализма. Многие рабочие считают возможным быть одновременно борцом за социализм и верующим, так как, по их мнению, между учением Евангелия и экономической политикой социалистической системы нет противоречия. Все это приводит в смятение ряды церковников.

Особенную тревогу испытывают клерикалы в Италии. Успех коммунистической партии на парламентских выборах 1976 г. — результат широкой поддержки трудящихся, среди которых значительное число составляют католики. Известны факты, когда церковные деятели открыто высказывались в пользу коммунистов и баллотировались на выборах в парламент по их спискам, несмотря на угрозы отлучения от церкви. «Компартия Италии, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — в итоге последних выборов завоевала такие позиции, что теперь без ее участия по существу не может быть решен ни один крупный вопрос в жизни государства»⁵⁸.

Укрепление социалистических стран, их успехи в экономическом и политическом развитии, признание их существования трудящимися всего мира заставило Ватикан подумать о нормализации отношений с ними. Если папа Пий XII избегал установления контактов с социалистическими странами, то Иоанн XIII придерживался другой политики. Он доброжелательно отзывался о Советском Союзе: «Россия — это великая нация. Советское государство населяют огромные массы людей, там свершаются многие достойные дела»⁵⁹. Представители Павла VI побывали в Польше, ГДР, Венгрии, на Кубе и в других социалистических странах, где провели переговоры и установили контакты с их правительствами.

Модернизация религии поставила клерикалов перед необходимостью проводить более гибкую борьбу с марксистско-ленинским мировоззрением.

Как известно, появление этой философии и рост ее влияния на широкие массы трудящихся сразу же вызвали резкую критику со стороны церковников. Многие энциклики Льва XIII, Пия XI, Пия XII являются подтверждением этого. Иерархи церкви старались представить научное мировоззрение как антигуманное, призывающее к насилию ради установления диктатуры пролетариата. Но вся эта клевета не дала никаких результатов — марксизм продолжает завоевывать сердца и умы трудящихся. Это вынужден был отметить Павел VI в послании «Октогезима адвениенс» (1971). Чтобы отвлечь трудящихся, как верующих, так и неверующих, от марксизма, церковники начали прибегать к более тонким методам борьбы с научной философией. Так, с конца 60-х годов труды Маркса, Энгель-

са и Ленина стали изучаться в католических учебных заведениях с целью извратить и фальсифицировать выводы великих теоретиков. Клерикалы широко используют теории буржуазных идеологов и ревизионистов для критики марксизма-ленинизма.

Некоторые теологи говорят, что для верующего-де может быть приемлемым «социалистический выбор» общественной жизни, но лишь в рамках существующего капиталистического строя, т. е. в плане теории конвергенции. Другие готовы признать значение марксистско-ленинского миропонимания для прошлого, но заявляют, что оно якобы непригодно для наших дней. Одним из доказательств «непригодности» научной философии они считают отрицание марксизмом-ленинизмом трансцендентности (потустороннего), которую обстоятельно раскрывают клерикалы.

В борьбе с марксизмом-ленинизмом теологи пытаются внушить людям мысль о том, что современную цивилизацию можно спасти от антагонизмов и гибели якобы только с помощью религии. На VI Всемирном социологическом конгрессе (1966) эту идею подробно изложил небезызвестный русский эмигрант Питирим Сорокин. Подобную точку зрения активно пропагандировали в России в конце XIX века философ-мистик В. Соловьев и его последователи — богоискатели Бердяев, Булгаков, Мережковский и другие. Опираясь на их рассуждения о необходимости религии в духовной жизни человечества, современные теологи утверждают, что религия якобы всегда была и будет основой культуры и цивилизации любого общества. Поэтому и научные открытия, значение которых для развития общества никто не может отрицать в наши дни, раскрываются клерикалами как проявление «промысла божьего». Об этом говорит принятый 2-м Ватиканским собором документ «О церкви в современном мире». Там мы читаем, что успехи человека в науке не что иное, как якобы «суть знамения промысла божьего и плод его неизреченного предначертания»⁶⁰. В одном из посланий Павел VI проводит мысль, что-де научно-технический прогресс провозглашается свыше. Многие теологи заговорили даже о том, что богу-де угодна не примитивная цивилизация, а современный технический прогресс. Поэтому они приветствуют развитие кибернетики как проявление божественного предопределения.

Успехи в освоении космического пространства также не могли быть оставлены без внимания церковниками. Они не предали анафеме дерзких завоевателей неба, а наоборот, заявили, что-де полеты в космос придают новый и более глубокий смысл библейскому выражению «наш отец, который на небесах» и помогают религиозному человеку укрепить веру в бога. Известно, например, что папа Иоанн XXIII поздравил советских космонавтов А. Николаева и П. Поповича с успешным полетом, сказав, однако, что их полет — это дань человека богу⁶¹.

Модернизация религии связана также и с попыткой богословов дать новое представление о боге. Теперь, читаем мы в книге А. Казанова, трудящиеся массы хотят видеть и любить бога «лишь в том образе, который говорит о его принадлежности к миру трудящихся. Бог, блещущий богатством, бог из храма в стиле барокко или церковей XIX века более не чарует обездоленных»⁶². На 2-м Ватиканском соборе клирики и прелаты подчеркивали, что в представлении трудящихся бог все меньше и меньше становится «творцом чудес» и поэтому у верующих исчезает чувство таинственного, когда они говорят о боге.

Обновляя образ бога, современный католический теоретик Джирарди считает, например, что бог в наше время воплотился в самом пролетариате, который и является божественным спасителем-мессией. В настоящее время, говорит Джирарди, этот мессия бессилен, превращен в ничто, как бы распят на кресте, но скоро он воспрянет, и тогда наступит его торжество.

Значительно изменилось и толкование многих религиозных понятий: смирение, покорность, милосердие, страдание и др. Раньше они непосредственно раскрывали отношение верующих к «всемогущему богу» — смирение перед ним и покорность ему во всем, милосердие ради бога и для него. Теперь эти категории «максимально наполняются демократическим содержанием, близким духу раннего христианства»⁶³.

Католическая, как и православная, церковь пересмотрела также традиционный христианский аскетический идеал и пытается доказать, что аскетизм в библейском представлении — это якобы дисциплинированность, организованность, терпение и сдержанность, которые необходимы каждому человеку. Церковники

предлагают новое толкование и учения о страданий. Они заверяют, что под страданием и несением креста христианство якобы всегда подразумевало не самоистязание, а самоотверженную деятельность каждого человека на благо и счастье других людей.

Обновляя религию, иерархи церкви стремятся внушить людям мысль о якобы неразрывной связи материальной и духовной жизни общества с божественным.

Выступая перед рабочими, Павел VI говорил: «Современный прогресс и мир труда нуждаются в моральных принципах, чтобы сохранить себя человеческими, и сегодня религия больше, чем когда-либо, имеет освящающее и возвышающее значение, так как только религиозное воззрение может дать земной жизни значение и достоинство, направив ее к бессмертной судьбе»⁶⁴.

Серьезное беспокойство клерикалов вызывает молодежь. В своем большинстве она вступает в жизнь атеистической и решительно отвергает традиционные церковные догматы. Но положение молодежи в капиталистическом обществе настолько непрочное, что многие ее представители в поисках правды и справедливости в обществе легко поддаются под влияние различных пропагандистов или глашатаев «новой» религии. Клерикалы стремятся использовать подобные мистические настроения юношей и девушек, чтобы завлечь их в лоно церкви. Именно поэтому на 2-м Ватиканском соборе в специально принятой декларации «О христианском воспитании» подчеркивается, что священнослужители должны внимательно следить за тем, чтобы все трудящиеся получили религиозное воспитание, особенно молодежь, на которую церковь возлагает свои надежды.

Проводя модернизацию религиозных догматов и канонов, теологи рассчитывают завоевать симпатии молодого поколения. С этой целью они старательно вносят изменения и в богослужебную практику. Это проявляется в том, что происходит заметное упрощение литургии и осовременивание наиболее ортодоксальных положений вероучения. Например, настоятельно рекомендуется использовать для произнесения проповедей, чтения священных книг, молитвенных песнопений и т. д. понятную для всех присутствующих родную речь, а не латынь. В последние годы на богослужение тратится меньше времени. Проповедь произносится ярко, выразитель-

но и коротко. Значительно упростился обряд причащения, который проводится теперь даже прямо па улицах с помощью специальных автоматов. Верующий, решившийся причаститься, бросает в автомат монетку и получает миниатюрную фигурку Христа из желатина, которую проглатывает. Такие автоматы установлены на улицах Рима, особенно их много вблизи храма святого Петра. Так же значительно быстрее, мобильнее совершается и обряд исповедания. Все это направлено на то, чтобы не утомлять верующих, посетивших храм, сделать их пребывание в нем не обременительным, а приятным.

Приспосабливаясь к современности, церковь охотно использует для оформления храмов абстракционизм, сюрреализм и другие направления в искусстве. В «Конституции святой литургии» указывалось, что не следует закрывать двери церкви перед новыми течениями как в музыке, так и в изобразительном искусстве.

Клерикалы усиленно стремятся к тому, чтобы верующий не ощутил глубокой пропасти между древнейшим искусством храмов и новым, с которым он сталкивается в своей повседневной жизни. На 2-м Ватиканском соборе в выступлениях многих епископов прозвучала мысль, что пышное убранство церкви не соответствует духу времени, что «золото не имеет больше своего места в народной религиозной символике... Выражение священного символами накопленного богатства превратилось в «противознак»⁶⁵.

Именно поэтому многие церковные иерархи стремятся привлечь для украшения храмов таких художников-«новаторов», как Д. Поллок, Сальвадор Дали и других. Известно, что художники-абстракционисты и сюрреалисты создают картины самым упрощенным способом. Джексон Поллок расплескивал краски по холсту, лежащему на полу или прикрепленному к стене. В результате подобных манипуляций появились «Мадонна» и другие «шедевры». В лос-анджелесском колледже девы Марии художница-абстракционистка монахиня Мэри Корита написала в такой же манере «Мадонну», «Благословение» и другие иконы. Весьма успешно на церковной ниве подвизается сюрреалист Сальвадор Дали. Его произведения представляют хаотическую связь реальных предметов в самом неожиданном, бессмысленном сочетании. С. Дали считает, что источником культуры

для народа может быть только церковь. Поэтому он охотно берётся за оформление храмов. Им написаны в свойственной сюрреализму манере «Тайная вечеря», «Искушение святого Антония» и др.

Для построения храмов, костелов и других религиозных сооружений также нередко приглашаются архитекторы и скульпторы-модернисты. Богословы и теологи откровенно признают, что как художественное, так и конструктивное оформление храма должно органически соответствовать духу времени. Поэтому для отправления церковных служб сооружаются здания неправильной формы, без традиционных куполов из железа, бетона, стекла.

Учитывая динамичность и напряженность жизни верующего наших дней, церковники стремятся предоставить ему возможность не только присутствовать на литургии, но и отдохнуть и даже... развлечься (что особенно важно для молодежи). Поэтому в новом, современной архитектуры храме кроме алтаря и большого помещения для молящихся имеются бар, комнаты для детей и комнаты для отдыха. После церковного обряда венчания, не выходя из храма, можно отпраздновать это событие: петь, танцевать, веселиться с приглашенными гостями. Во избежание акустических помех созданы специальные приспособления, и поэтому в церкви могут одновременно происходить как веселое празднование, так и торжественный обряд причащения и даже отпевание.

В борьбе за паству церковь весьма активно использует не только современное изобразительное искусство, но и музыку. На последнем соборе многие кардиналы и прелаты откровенно говорили о том, что введение новых форм музыкального звучания расширит влияние церкви на все слои общества, и прежде всего на молодежь. Поэтому официально разрешено проведение мессы в сопровождении джаза, гитары, рок-музыки и т. п. Использование современных ритмов в богослужении привело к тому, что в Нью-Йорке был поставлен мюзикл «Божьи чары», в котором евангельская история Христа превратилась в развлекательное ревю. Участниками представления была молодежь — длинноволосые юноши и девушки в джинсах. Все они исполняли современные танцы, сопровождая их религиозными песнопениями. Центральная фигура мюзикла — Христос — появлялся на

сцене в красных трусиках с алым сердечком на лбу (знак хиппи).

Подобные представления уже не шокируют многих церковников, они их даже поощряют, и поэтому мюзикл с Христом в красных трусиках с успехом прошел в гамбургской церкви святого Петра в новогоднюю ночь (1971). Теологи-новаторы не видят ничего предосудительного и в том, что иезуит отец Дюваль или доминиканец отец Коканьяк выступают публично в качестве эстрадных певцов, что отец Линтанф, профессор философии и одновременно заядлый любитель езды на мотоцикле, напевает пластинки с песнями собственного сочинения, а десять капуцинов из Милана организовали ансамбль современного джаза «Лос Барбудос» (бородачи)⁶⁶. Поэтому весьма одобрительно был встречен прихожанами дуэт духовного отца Вестминстерского собора в Лондоне с рок-звездой Элвином Стардастом — модным автором и исполнителем «дьявольской» музыки, очень популярной среди молодежи. Этот не совсем обычный концерт принес собору немалые доходы⁶⁷. Не удивительно также, что широкую известность получила бродвейская постановка рок-оперы «Иисус Христос — супер-звезда». Эта выполненная в новой манере опера с успехом шла во многих странах Западной Европы.

Церковники готовы использовать в храмах и другие увеселительные жанры. Известно, например, что в одном из крупнейших соборов Нью-Йорка (святого Патрика) по окончании мессы перед главным алтарем выступила цирковая труппа, прибывшая из Испании. На этом представлении присутствовал даже сам архиепископ. Священник Силва, совершавший богослужение в храме, заявил, что это цирковое выступление будто бы лучше способствует сближению с богом.

Причина терпимости церкви к подобным художественным новшествам объясняется просто: для многих клерикалов «более важен контакт с современностью, чем традиционные формы набожности»⁶⁸. Такая форма богослужения способствует привлечению в церковь молодежи, в то время как скучные песнопения и монотонное чтение священных книг их отталкивают.

Использование в храмах новых форм богослужения (джазовая музыка, цирковые представления, рок-оперы и т. д.) является практическим осуществлением новаторского течения в христианстве — «теологии игры».

Один из создателей этого течения, Г. Кокс, считает, что церковь обязана помочь уставшим от ежедневного напряжения на работе людям уйти от действительности, погрузиться в мир иллюзий и забыться. Поэтому Христос, согласно выводам Кокса, должен не поучать людей, а развлекать. В «теологии игры» Христос — это «Арлекин, король танца, клоун и шут». Вера, религия, богослужение, по Коксу, игра, «во время которой молитва может быть прочитана, исполнена в виде танца или спекта (желательно в сопровождении джаза)»⁶⁹. Но как и всякая теология, теология игры также стремится укрепить религию. «Фрески Сальвадора Дали, сверхсовременные часовни Ле Корбюзье, рок-н-ролл, романы Камю или даже драмы атеиста Сартра — все может пригодиться, если это будет способствовать восстановлению утраченного влияния, если это увеличит эффективность деятельности церкви»⁷⁰.

Во время дискуссии по атеизму на 2-м Ватиканском соборе большинство либерально настроенных иерархов выступило с предложением опровергать марксизм и атеизм не прямым, а окольным путем. Это означает, что признавая влияние марксистского мировоззрения, они рассчитывают укрепить религию посредством «благоразумного использования в новой трактовке некоторых социально-действенных положений марксистского атеизма»⁷¹. Следуя этому совету, многие клерикалы выступают создателями различных утонченных, модифицированных религиозных течений.

Значительный интерес в этом плане представляют работы известного католического теолога Д. Джирарди, который настойчиво проводит мысль о том, что-де церковь в настоящее время занимается не только проблемами загробной жизни, но и глубоко осознает значение мирских дел и участвует в них. Под ее руководством христианин трудится над построением справедливого общества, и поэтому, подчеркивает Джирарди, разрыв между церковью и миром, между религией и цивилизацией заменяется-де отношением взаимопомощи и взаимопонимания. Новый теолог утверждает, что христианство якобы, как и марксизм, критикует капиталистический строй и что оно будто бы готово взять на себя обязательство по освобождению пролетариата от гнета с помощью социальных акций.

Джирарди говорит не только о классовой борьбе про-

летариата, но и о желании многих клерикалов поддержать эту борьбу. Однако, предупреждает он, борьба пролетариата не должна ставить своей задачей ни уничтожение противника, ни ущемление его прав, ибо целью ее является мирное отстаивание собственных интересов. Таким образом, признавая необходимость классовой борьбы, Джирарди так ограничивает ее проявления, что сводит на нет.

Наряду с земными задачами церкви богослов-новатор уделяет также большое внимание и ее прямому назначению. Джирарди говорит о предстоящей «вечной жизни», к которой церковь ведет человечество. «Вечная жизнь» означает новое общество, долженствующее возникнуть в результате грядущего воскресения из мертвых и объединить всех людей прошлого, настоящего и будущего. «Вечная жизнь» — это встреча души с богом и слияние человека с ним. Для реализации этого надо только «преодолеть диалектику отношений хозяина и раба диалектикой отношений любви». Тогда-то, заверяет Джирарди, и совершится социальная революция на основе всеобщей христианской любви и духовного слияния человека с богом. Подобные сентенции ни в какой мере не угрожают существующим в капиталистическом мире порядкам и их охотно рекламирует буржуазная пресса.

Стремление использовать религию для социального переустройства проявляют также и другие теологи — известные сторонники мира и прогресса. Особого внимания в этом отношении заслуживает деятельность ныне покойного настоятеля Кентерберийского собора Хьюллета Джонсона. В ряде статей Джонсон утверждал, что между христианским мировоззрением и научной теорией коммунизма (он называет и ту и другую идеологию вероучениями) имеется тесная связь. «При более глубоком, — пишет Джонсон, — понимании обоих вероучений, коммунизма и христианства, можно обнаружить — и я уверен, что это будет сделано, — множество точек соприкосновения между ними и тем самым подготовить почву для их объединения»⁷². Богослов пытается установить имеющееся якобы единство между поучениями Христа и научными принципами коммунизма по содержанию тех и других.

Опираясь на личные впечатления от поездки в СССР, Х. Джонсон подчеркивал необходимость корен-

ного изменения капиталистического мира, ибо он «диаметрально противоположен тому укладу жизни, который проповедовал Иисус». Далее он пишет, что царство небесное — божье царство начинается на земле и что западный мир пренебрег его строительством. «Осуществление отдельных элементов этой идеи,— подчеркивает Джонсон,— взял на себя коммунистический мир Востока»⁷³. В конечном итоге настоятель Кентерберийского собора и его последователи приходят к выводу, что христианство и коммунизм должны объединиться и что «синтез этих двух антагонистических, лишь по видимости, а не по существу, образов мышления и укладов жизни возможен и что в конечном итоге он принесет счастье человечеству»⁷⁴.

Многие положения Х. Джонсона свидетельствуют о поддержке им нового социального порядка — социализма, но в практическом плане его умозаключения не осуществимы, ибо основываются на реформистском пути «совершенствования» капитализма.

Аналогичные высказывания мы можем найти и у другого широкоизвестного религиозного деятеля Эмиля Фукса (ГДР). Как и Х. Джонсон, Э. Фукс много писал и выступал с проповедями. Наиболее интересным его трудом является книга «Христианская и марксистская этика». Критикуя капиталистическую систему, Фукс подчеркивает якобы имеющееся единство марксизма и христианства на том основании, что оба эти течения пропагандируют гуманизм, свободу, равенство и оба призывают к преобразованию мира.

Но прогрессивные стремления отдельных теологов не могут изменить основное содержание религии. Поэтому выступления Х. Джонсона, Э. Фукса и других сторонников слияния марксистско-ленинского учения и христианства, хотя и продиктованы благими побуждениями, имеют объективно реакционное значение, так как отвлекают трудящихся от непосредственных задач, связанных с революционным преобразованием мира. Их выводы являют собой один из многочисленных вариантов «христианского социализма», против которого неоднократно выступали основоположники марксизма еще в прошлом веке.

В 60-х годах на Западе среди теологов получили известность такие авангардистские религиозные направления, как: «теология революции», «теология надежды»,

«теология игры» (о которой мы уже говорили) и др. Представители этих утонченных направлений проявляют максимум усилий, чтобы в новых социальных условиях сохранить у трудящихся веру в бога и укрепить церковь ⁷⁵.

В протестантских кругах популярна «теология революции». Сторонники ее не скрывают, что возникновение этого течения связано с необходимостью приспособиться к изменениям, происходящим в мире. К понятию «революции» они относят любые преобразования и изменения в обществе, включая и научные открытия. Протестантский теолог Г. Вендланд считает, что в Библии содержится революционный элемент, так как там можно найти призыв к деятельности, направленной на улучшение общественной жизни и установление «царства божьего».

«Теологию революции» активно разрабатывает и американский теолог Р. Шолл. Он говорит, что христиане не имеют морального права уклоняться от общественных событий и должны принимать участие в классовой борьбе и национально-освободительном движении. Революция трактуется Р. Шоллом как спасение, которое исходит от бога.

Отдавая дань времени, он рассматривает вопрос и о революционной ситуации. Это, по его мнению, определенная религиозная атмосфера, вызванная потребностью людей познать бога и создающая возможность для ее удовлетворения. Таким образом, научного понимания революции и необходимой для ее свершения революционной ситуации новая теология, как и следовало ожидать, дать не может. Она лишь прикрывается революционной терминологией, надеясь с ее помощью обрести поклонников своего вероучения. В «теологии революции» социализм раскрывается как божественный, трансцендентный («потусторонний») идеал, к которому человечество якобы должно прийти под руководством церкви. Все это в конце концов сводится к традиционному христианскому реформизму.

Американские и немецкие протестантские богословы Г. Ваханян, Ю. Мольтман и другие являются создателями «теологии надежды». Основные выводы этого течения тесно переплетаются с положениями ревизиониста и ренегата Э. Блоха, изложенными в его книге «Принцип надежды».

Г. Ваханян написал работу «Смерть бога. Культура послехристианской веры» (1961), а Ю. Мольтман в том же году выпустил книгу «Теология надежды». Содержание этих трудов направлено на доказательство существования бога и необходимости религиозной веры для развития общества и достижения «царства божьего» — «главной надежды человечества».

Г. Ваханян говорит о смерти бога, имея в виду смерть определенного образа бога, созданного людьми в конкретных исторических условиях. Он подчеркивает, что бог существует, так как у человека имеется якобы врожденная потребность веры в него. Сторонники этой теологии дают новое представление о боге. Бог — не конкретная, определенная личность, а некая абстрактная движущая сила истории.

«Теология надежды» выступает с критикой отдельных сторон капитализма, но для разрешения классовых антагонизмов рекомендует братскую любовь. Мольтман рисует будущее человечества как идиллическое «царство божие» на земле, возникшее в результате религиозной революции. Термин «религиозная революция» используется в чисто спекулятивных целях, чтобы заинтересовать трудящихся и привлечь их к религии. Представители «теологии надежды», как и апологеты раннего христианства, верят в возможность чуда — воскресения Христа. В этом чуде, утверждают они, и заложены основы надежды на установление в мире «царства божьего».

Модернизаторские религиозные идеи нашли весьма выразительное отражение и в теории «христианского атеизма», распространяемой теологами на Западе.

«Христианский атеизм» представлен Д. Бонхоффером, Д. Робинсоном, Т. Альтицером, В. Гамильтоном и другими европейскими и американскими теологами-протестантами. Основой этого течения явилось уже знакомое нам заявление теологов о смерти бога-творца. Но это не означало его действительную смерть, а лишь подтверждало стремление богословов спасти бога и веру в него, используя новые методы воздействия на трудящихся. Взамен «умершего» бога Робинсон, Гампльтон, Альтицер и другие предложили нового «имманентного» (внутренне присущего чему-то) бога, пребывающего якобы внутри мира и внутри человека. Создание нового земного бога рассматривается теологами этого направления

как приближение церкви к земным проблемам и сближение с трудящимися.

В напумевшей книге «Быть честным с богом» (1963) Джон Робинсон признает, что старое представление о карающем и милующем боге, об аде и небесном воздаянии уже не соответствует современному уровню общественной жизни. Поэтому нужно порвать с верой в бога-творца, в его воскресение и в будущую загробную жизнь, но сохранить веру в Христа-человека и в земное идеальное общество, которое поможет создать эта вера.

Немецкий протестантский пастор Д. Бонхоффер писал, что люди в ходе исторического развития становятся все сильнее и увереннее в себе и перестают нуждаться в помощи потусторонних, божественных сил. Поэтому, заключает он, религия в старых формах должна отмереть. Но немецкий теолог не представляет развития общества без религии. Он предлагает... атеистическую религию — новое христианство, которое возникнет на основе гуманизма и будет, по его словам, не одурманивать верующих, а способствовать общественному прогрессу и установлению справедливости на земле. Д. Бонхоффер, В. Гамильтон и другие основу новой религии усматривают в любви людей друг к другу. Это раскрывается богословами-новаторами в формуле: отношение к богу — это жизнь для другого,

Один из активных и наиболее радикальных представителей этого течения, Т. Альтицер, в книге «Евангелие христианского атеизма» (1966) так же решительно заявляет о смерти бога и считает, что старая христианская религия потерпела крах. Взамен ее Альтицер предлагает новую, которую создает путем объединения элементов христианства, гегелевской философии и некоторых религий Востока. Опираясь на Гегеля, протестантский авангардист обосновывает необходимость отрицания традиционного христианства и выдвигает идею о боге как диалектически развивающемся процессе самоотрицания и самоотчуждения. Именно в силу этого диалектического развития бог в настоящее время получил якобы новое бытие — с небес спустился на землю и пребывает-де среди людей, участвуя в историческом развитии.

Все адепты этого течения, выступившие с призывом создания новой, атеистической религии, утверждают, однако, что богом должен по-прежнему остаться Христос, превратившийся в простого человека. Характерной чер-

той этой религии является демифизация, т. е. освобождение ее от мифов и сказаний Ветхого и Нового заветов о божестве-творце, его воскресении, чудесах и других сверхъестественных событиях. Новый Христос (земной, обычный человек) должен стать знаменем и прибежищем для трудящихся, воплощать любовь к ближнему и готовность жить для него. Путем нравственного усовершенствования все человечество, поучают богословы-новаторы, должно постепенно приблизиться к идеальному образу Христа-человека.

Современный «христианский атеизм», как и другие модифицированные течения, являет собой выразительный пример тонкой, ухищренной религии, опасной тем, что она рекомендует верующим активно заниматься своими, волнующими их земными проблемами, уповая на милость бога. Авангардистская теология Альтицера, Гамильтона и других не ставит задачи свержения капитализма. Единственно, на что способны эти теологи, — призвать верующих к мирной борьбе за постепенное преобразование и улучшение отдельных сторон капитализма.

Значительные перемены охватили церковь Латинской Америки. Изменение ее позиции связано с целым рядом сложнейших обстоятельств, и в первую очередь с неразрешенными социальными проблемами. «Среди задавленных нищетой народных масс не только рождаются сомнения в истинности христианской доктрины, но и усиливаются тревога, отчаяние, ненависть к угнетателям. Все это не может не учитывать церковь»⁷⁶.

Широкое одобрение у народов Латинской Америки вызывают достижения Советского Союза и других социалистических стран в решении социальных проблем. Это ускорило процесс модернизации церкви и привело к появлению левого движения («молодая церковь»), решительно вставшего на защиту трудящихся масс. На движение левых падре в Латинской Америке непосредственное влияние оказали социалистическая революция на Кубе и революционные события в Чили.

В связи с этим большой интерес вызывает деятельность католической группы «Голконда» (Колумбия). В 1968 г. ее члены выступили с заявлением о поддержке народной борьбы против монополий, за национальное освобождение, равенство и социализм. Член ЦК Коммунистической партии Колумбии Альваро Дельгадо гово-

рил, что сторонники обновления церкви Латинской Америки считают необходимым добиваться равенства при жизни, так как мертвых никакие проблемы уже не интересуют⁷⁷. Именно поэтому многие священники Чили открыто поддерживали политику С. Альенде. Известно, например, что 80 чилийских священников поставили вопрос о конкретном участии христиан в строительстве социализма. «В их декларации содержался призыв покончить с господством крупного капитала в экономике Чили; отмечались духовные ценности, присущие социализму, которые отождествлялись с евангельскими ценностями»⁷⁸. Чилийские священники трезво оценивали сложившуюся обстановку и подчеркивали, что господствующие классы добровольно не сдадут своих позиций и для их уничтожения «необходимо сотрудничество марксистов и христиан, мобилизация усилий всех трудящихся независимо от различий в области их мировоззрения»⁷⁹.

Буржуазный журнал «Висьен», популярный в странах Латинской Америки, констатировал, что имеются все «основания для беспокойства за будущее католической церкви на латиноамериканском континенте. В ней углубляется разрыв между традиционными формами церковной деятельности, ориентированными на проповедь индивидуального спасения в потусторонней жизни, и новой «освободительной евангелизацией», которая уделяет больше внимания положению угнетенных и идет на сотрудничество с левыми партиями в борьбе за независимость и социальный прогресс»⁸⁰.

Вот характерный пример. В газете «Правда» за 19 августа 1980 г. была опубликована информация под заголовком «Церковь осуждает правящую хунту». В ней говорилось:

«Правящий режим Сальвадора ужесточает репрессии против демократических сил страны, принимавших участие в проведенной по призыву революционно-демократического фронта общенациональной забастовке. Спасаясь от репрессий и террора, тысячи сальвадорцев находят убежище в соседних странах и религиозных центрах столицы. Сообщая об этом, архиепископ Сан-Сальвадора Артуро Ривера-и-Дамас осудил правящий режим, виновный в гибели одних и массовом отъезде из страны других сальвадорцев. «Нет насилию, нет репрессиям, нет терроризму», — заявил архиепископ».

Новая «освободительная евангелизация» находит наиболее яркое выражение в «теологии освобождения», активно пропагандируемой левыми падре континента. Один из представителей этого направления Г. Гутьеррос указывает, что «теология освобождения» основывает свои выводы «на марксистском мышлении... направленном на преобразование мира»⁸¹. Он призывает к решительной борьбе против эксплуатации и угнетения и требует освобождения и равенства для народа. Известный в Колумбии падре Доминго Лаин откровенно заявил, что «марксизм дает нам методологию и делает более эффективной христианскую любовь»⁸². Безусловно, это не означает, что латиноамериканские левые падре стали последовательными марксистами. Они так же, как и европейские модернизаторы религии, стремятся использовать отдельные выводы научного мировоззрения в спекулятивных целях. Сторонники «теологии освобождения» готовы вести борьбу «за социализм с христианским содержанием»⁸³. Они считают, что «все, что раньше религия обещала людям в потустороннем мире, должно быть осуществлено в обычной жизни»⁸⁴ и как можно скорее. На основе «теологии освобождения» в латиноамериканских странах среди верующих и священников появилось активное движение, выступающее под лозунгом: «Христиане за социализм», в котором Христос представляется первым революционером. Это движение дает о себе знать и в европейских странах: Италии, Испании, Франции и др.

Пример практического осуществления этого лозунга показал колумбийский священник Камилло Торрес, который включился в активную борьбу за интересы народа. Он выступал с проповедями, призывал народ к революции, писал обращения к верующим, направленные против реакционных порядков в стране и против официальных церковных доктрин. Его лишили священнического сана, но Камилло Торрес ушел к партизанам и был убит правительственными войсками в одном из сражений в 1966 г.

О своем согласии со многими выводами марксизма открыто заявляет и архиепископ Бразилии Элдер Камара (его называют красным архиепископом). Камара призывает бороться за равенство и справедливость в своей стране. Примечательна деятельность священника

Энцо Мадци из предместья Флоренции Изолотто. Он выпустил брошюру «Встреча с Христом» (или «Катехизис Изолотто»), в которой резко критиковал деятельность католической церкви и призывал к решительной борьбе за установление нового общества. В брошюре Энцо Мадци Христос изображен богом-революционером, пришедшим на землю, чтобы помочь угнетенным массам совершить революции. «Катехизис Изолотто» трактует религию как силу, способную вдохновить трудящихся на победу революции (подобный взгляд на религию пропагандировали в России богостроители).

Безусловно, резкая критика левыми клерикалами «пороков буржуазного общества, антинародной политики правящих классов приобретает большое общественно-политическое значение, объективно содействует радикализации масс верующих»⁸⁵. Еще В. И. Ленин, анализируя обстановку в России в период работы III съезда РСДРП, писал, что наблюдающееся «брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни... появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как нельзя больше на руку революции»⁸⁶.

Но вместе с тем следует всегда помнить, что модернизаторские стремления теологов, в том числе и движение «Христиане за социализм», весьма далеки от научного марксистско-ленинского понимания как сущности социалистической революции, так и основных принципов развития социализма, ибо все они воспринимают действительность сквозь призму религиозной веры.

Деятельность групп «Христиане за социализм» вызывает беспокойство иерархов Ватикана. Беспокойство усилилось после того, как в 1975 г. в Канаде состоялся Всемирный конгресс сторонников этого движения, на котором были представлены богословы-новаторы стран Латинской Америки, США, Западной Европы, Азии и Африки.

Ватикан выступает с осуждением этого движения. Против многих апологетов левого течения в христианстве были приняты административные меры вплоть до лишения сана и изгнания из страны. Но подвергшиеся гонению священники не подчиняются высшей духовной власти: они проводят церковную службу и читают свои революционные проповеди на квартирах рабочих или на предприятиях.

По этому вопросу выступил также и новый папа Иоанн-Павел II. Он решительно осудил участие церкви в борьбе против империалистического засилия, эксплуатации и нищеты в странах Латинской Америки. Новый папа не поддержал «теологию освобождения». Полемизуя с ее сторонниками, Иоанн-Павел II утверждал, что Иисус Христос не был революционером⁸⁷.

Необходимо отметить, что новый курс Ватикана, проявившийся при папе Иоанне XXIII (1958—1963) и папе Павле VI (1963—1978), поддержанный 2-м Ватиканским собором и отдельными теологами, вызвал раздражение в правых кругах. Они резко критиковали теологов-модернистов, Иоанна XXIII, а Павла VI называли «запродавшимися Москве».

В 1978 г. скончался папа Павел VI, и в том же году через 33 дня после избрания умер вновь избранный папа Иоанн-Павел I. Новым папой стал польский кардинал Войтыла, принявший имя Иоанна-Павла II. Это первый папа венгалец за последние 456 лет. За его деятельностью внимательно следят как священнослужители, так и миряне, решая вопрос, будет ли новый папа продолжателем обновленческого курса своих предшественников, именами которых он назвался, или вернется к временам Пия XII — апологета «холодной войны».

Четкий, исчерпывающий ответ на это пока еще дать трудно. Известно, однако, что новый папа проявил с первых же дней своего избрания активность и мобильность. За полтора года, истекшие после его прихода к руководству Ватиканом, он посетил ряд стран: Доминиканскую республику, Польшу, Ирландию, США, Турцию, Францию, побывал во многих городах Италии. Всюду он давал интервью, произносил речи, отправлял богослужения и встречался с политическими и религиозными деятелями. В вопросах внутренней политики папа придерживается традиционных консервативных позиций и поэтому осуждает участие церковников в политике, если это ведет к подрыву существующего на Западе строя.

Новый папа официально признал действующий уже полвека католический орден «Опус ден». В нем представлены главным образом миряне (из 72 тысяч членов только 15 тысяч — священники) — реакционные политики, адвокаты, промышленники. Они поддерживали Франко, сейчас связаны с Пиночетом и другими ультра-

реакционными деятелями. Стремление папы Иоанна-Павла II опереться на этот орден рассматривается как отход от решений 2-го Ватиканского собора и вызывает широкую оппозицию и решительный протест в рядах духовенства и рядовых католиков. Вместе с тем необходимо учесть, что нынешний глава католической церкви не отвергает возможности встреч и диалогов с марксистами. Не отказывается он и от других положений обновленческого курса католицизма. В своих выступлениях Иоанн-Павел II, так же как и его предшественники, осуждает социальную несправедливость, бедность и нищету. Но в основном он более склонен к реформизму в политике Ватикана, чем его предшественники⁸⁸.

ТЕОЛОГИЗАЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Модернизация религии еще полнее и глубже раскрыла связь современной буржуазной философии и религии. В статье В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», являющейся как бы его философским завещанием, подчеркивается необходимость разоблачения теологических измышлений буржуазных профессоров как «дипломированных лакеев поповщины»⁸⁹. Касаясь выводов немецкого философа Артура Дрекса, протаскивающего в своей якобы атеистической книге «Миф о Христе» подчищенную, ухищренную религию, В. И. Ленин говорил: «Это — реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками»⁹⁰.

Именно с этих позиций необходимо анализировать выводы многих современных буржуазных философов. Не секрет, что буржуазная пропаганда в наши дни прилагает все усилия к тому, чтобы отвлечь трудящихся от идеи социалистической революции, внушить им мысль о бесполезности борьбы против существующих порядков. Для этого апологеты капитализма используют всевозможные средства и приемы. «Мы живем, — говорил Л. И. Брежнев, — в условиях неутихающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические сред-

ства. Все инструменты воздействия на умы, находящиеся в руках буржуазии, — печать, кино, радио — мобилизованы на то, чтобы вводить в заблуждение людей, внушать им представление о чуть ли не райской жизни при капитализме, клеветать на социализм»⁹¹.

Главным идейно-политическим оружием современного империализма является антикоммунизм. Ход идеологической борьбы свидетельствует о духовном убожестве и бессилии буржуазии, о том, что она уже не в состоянии выдвинуть такой идеал, который сумел бы увлечь массы, ибо ее теории призваны служить спасению отжившего, реакционного общественного строя.

Кризис буржуазной мысли особенно ярко раскрывается во все прогрессирующем сближении буржуазной философии с теологией. Если в прошлом (XVII—XVIII вв.), когда буржуазия была революционным классом, ее идеология отличалась атеистическим или, по меньшей мере, антиклерикальным характером, то в эпоху империализма религия стала играть все более значительную роль в идеологическом арсенале буржуазии. Весьма характерным в связи с этим является признание немецкого буржуазного философа Пауля Геберлина, что главная задача современной философии заключается в доказательстве необходимости религиозной веры. Именно поэтому, как указывал В. И. Ленин, буржуазия во всем мире «сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии»⁹². На почве этого в капиталистических странах всячески культивируется в качестве научной дисциплины апологетическая философия религии, примером чего может служить неотомизм.

Неотомизм — официальная философия современного католицизма, возникшая в конце XIX в. Неотомизм ставит задачу воскресить и осовременить выводы средневековой схоластической философии Фомы Аквината (XIII в.). Тот факт, что для буржуазной философии наших дней оказался вполне пригодным средневековый мыслитель, самым убедительным образом свидетельствует о слабости и идейной несостоятельности буржуазных теоретиков.

Философия Фомы Аквината (томизм) ставила целью помешать начавшемуся в Западной Европе материалистическому переосмысливанию философских выводов Аристотеля. Томизм выбросил из его учения

все материалистические и диалектические положения, выдвинув на первое место идеализм и теологию. В толковании Фомы Аристотель, по словам Герцена, превратился в «Аристотеля с тонзурой» — в примерного богослова. Как писал Ленин, «из логики Аристотеля... сделали мертвую схоластику...»⁹³. «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»⁹⁴. Почти через пятьдесят лет после смерти Фома Аквинский был причислен к лику святых.

В 1879 г. папа Лев XIII в энциклике «Этерни патрис» объявил, что философия «ангельского доктора» (Фомы Аквинского) — единственно истинная философия и только ею должны руководствоваться католики. С того времени философия схоласта, доминиканского теолога стала идейным оружием католического мира в обновленном названии — неотомизм.

Неотомисты ополчаются против научного марксистского миропонимания. Один из идеологов неотомизма доминиканец Бохеньский в 1950 г. писал, что диалектический материализм — это не только заблуждение, это грех.

Наиболее активными поборниками этой философии являются Маритен и Жильсон (Франция). Они демагогически говорят о своей якобы непричастности к мистицизму и фидеизму и о полном признании ими науки.

В неотомистской философии подчеркивается значение интеллекта человека, хотя одновременно указывается на его ограниченность. Относительный, релятивный характер научных выводов сторонники «ангельского доктора» превращают в доказательство слабости человеческих способностей в противоположность будто бы безграничным возможностям религии. На этом основании строится вывод неотомистов о том, что якобы без божьей помощи мир познать невозможно. «Вера, — указывает Маритен, — дополняет и завершает разум... вера есть полное и добровольное принятие разумом истин, открытых богом, — истин, хранительницей которых является церковь»⁹⁵.

Неотомисты заявляют далее, что они готовы признать объективное существование материального мира, но при условии, что он создан богом из ничего. Христианской вере в трансцендентного бога-творца соответствует представление о боге в обновленной философии Фомы Аквината. Существование бога выводится из «проявлений»

его в этом мире. Бытие бога, утверждают неотомисты, вечно и совершенно, в то время как бытие мира несовершенно, изменчиво. Сотворенный богом мир осмыслен и упорядочен потому-де, что все процессы, совершаемые в нем, установлены богом и им подготовлены. Высшее творение бога — человек. В томистской философии наших дней бог в качестве абсолютного бытия представляется как некий абстрактный «чистый дух» (близкий по идее гегелевскому «мировому духу»).

Неотомисты активно используют современную научную терминологию и не оспаривают научных достижений во всех областях жизни. Они пишут об открытиях в микромире, о завоевании космоса, признают эволюционное учение Дарвина, говорят об условных и безусловных рефлексах и т. д. и т. п. Но все это преподносится ими как конкретные факты, причиной которых является бог и которые подтверждают будто бы неразрывную связь религии и науки.

Чтобы не быть в стороне от острых социальных проблем, связанных с бурными классовыми боями, Маритен подобно теологам-модернистам призывает верующих к участию в созидании на земле нового, лучшего общества, где установится всеобщее сотрудничество и исчезнет угнетение человека человеком. Он подчеркивает необходимость объединения верующих и неверующих в их борьбе за новый общественный порядок, в результате чего должно возникнуть «мирское государство, имеющее христианский характер» ⁹⁶.

В трудах неотомистов появляется критика отдельных сторон капитализма, главным образом «духа денег», духа наживы, и призыв к самовоспитанию и самоусовершенствованию. Поэтому антикапиталистическая революция мыслится Маритеном и другими философами этого направления не как социальная, а как духовная революция. Социальный строй будет переделан тогда, когда произойдет обновление духовной жизни в самих людях — таков вывод неотомистов. Задачей нравственной, духовной революции, заявляют они, должно быть «не распространение духа капиталистического эгоизма, жажда богатства, ненависть, а сплочение людей под знаменем христианской любви к ближнему... распространение религиозности» ⁹⁷.

Маритен считает ошибочным совершение пролетарской революции: по его мнению, эта революция ставит

целью лишь улучшение материальных условий трудящихся и может привести поэтому только «к распространению буржуазных идеалов жизни, к воспитанию рабочих в духе жадности, зависти... может привести к забвению ими идеалов и религиозных ценностей»⁹⁸. В конечном итоге неотомисты сводят к божественному проявлению все социальные перемены, так же как и все процессы, происходящие в природе. Подлинная революция, подчеркивает Маритен, не является делом какого-либо класса, и ее следует понимать не как «дело человека, а прежде всего как дело бога»⁹⁹. Безусловно, подобная интерпретация революции вполне приемлема для капиталистической системы, ибо абсолютно ничем не грозит ей.

Под влиянием всех тех изменений, которые охватили мир в последние десятилетия,— рост и укрепление социалистической системы, незыблемый авторитет марксистско-ленинского мировоззрения, размах классовых боев и т. д.— происходит определенное переосмысливание неотомистами своих выводов. Кроме того, на 2-м Ватиканском соборе философия неотомистов подверглась критике по поводу ее устаревшего представления о боге. Некоторые клерикалы заявили, что томистское понимание бога весьма уязвимо для критики со стороны атеистов и ученых, так как оно не соответствует новым, модернистским положениям о боге-человеке. Многие теологи обвиняют неотомизм в статичности его представлений о мире, в игнорировании роли субъекта в общественной жизни. Но вместе с тем в ряде документов, принятых собором, снова рекомендовалось «брать за образец святого Фому» в обосновании философских и богословских концепций и видеть в его учении «надежное правило для священного воспитания». В целях укрепления авторитета Фомы Аквината в 1974 г. было торжественно отмечено Ватиканом 700-летие со дня его смерти.

Тем не менее многие из апологетов томизма стали обновлять свои выводы. Характерным в этом отношении является стремление некоторых почитателей схоласта Фомы установить контакты с марксизмом. Уже известный нам Бохеньский выступает теперь с заявлениями о якобы поразительном сходстве между томизмом и марксистско-ленинской философией. Но вместе с тем, проводя мысль о будто бы имеющейся общности с марксизмом, неотомисты лелеют надежду «перестроить» выводы этого

учения в духе новейших богословских откровений и ревизионистских сентенций.

Критические выступления отдельных клерикалов против неотомизма привели к появлению так называемого «феномена Тейяра» — религиозной философии Тейяра де Шардена.

Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955) — известный французский философ и ученый (крупный специалист в области геологии и палеонтологии). В период работы 2-го Ватиканского собора и после него многие церковные деятели заняли позицию решительной поддержки теологических концепций Тейяра, нарекая его «победителем марксизма». В своей философии Тейяр де Шарден пытается объединить положения христианской религии с данными естествознания. Он безоговорочно признает теорию Дарвина — целесообразность и закономерность процессов эволюции, развития в природе и обществе.

Основным объектом изучения в философии Шардена является Вселенная, которую он представляет космогенезом (в отличие от космоса). Ибо, утверждает философ, Вселенная создана из вещества, «каждой элементарной частице которого может быть свойственна в определенном смысле психичность»¹⁰⁰. Тейяр де Шарден считает, что есть материя телесная и ей свойственна осязаемая энергия, но есть материя духовная, внутренняя, которой соответствует радиальная энергия — движущий элемент космогенеза.

Он представляет Вселенную в трех измерениях: бесконечно малом, бесконечно большом и бесконечно сложном. К последнему он относит человека. Человек, подчеркивает Тейяр, занимает ведущее место в космогенезе, и через него проходит главная ось эволюции. С момента появления человека в живой природе начинается объединение единичных сознаний в одно духовное, обозначенное философом коллективным сознанием. Появляется, говорит он, «планетизированное человечество», в котором сосредоточивается духовная связь со всеми прошлыми, настоящими и будущими поколениями людей. Это — «новая эпоха эволюции, названная Шарденом «неосферой».

Всеобщая психичность Вселенной — ее одухотворенность и жизненность — не завершается, однако, в «планетизированном человечестве», так как оно постоянно

развивается, движется и стремится к высшему духовному центру «неосферы» — к точке «омега». «Омега», по Шардену, — это состояние божественного совершенства на конечном этапе эволюции. «Омега» тождественна высшему божеству — Христу-богу. Поэтому в философских трудах естествоиспытателя Шардена встречаются такие понятия, как «Христос эволюции», «Христос космический», «Христос космогенеза»¹⁰¹.

В идеалистической философии Тейяра де Шардена необходимость существования бога «обосновывается» не ссылками на Библию, а научными данными, опираясь на которые он пытается доказать, что будто бы без бога эволюция в природе невозможна.

В выводах Тейяра можно наблюдать оптимистическую веру в человека, в его разум, в прогресс. Человек — высшее развитие, вершина эволюции. Этот человек, согласно божественному предопределению (или эволюционному развитию — эти понятия у Шардена однозначны), способен установить коллективное братское общежитие всех народов и рас на разумных началах. При этом, указывает Шарден, неизбежно произойдет процесс взаимопроникновения и взаимного влияния различных культур и в конце концов возникнет «естественное общество, общечеловеческое общество».

В новом коллективном братском общежитии, по словам Тейяра, рост сознания людей совпадет с ростом их симпатий, дружбы и любви друг к другу. Это и создаст ту мистическую космическую силу, которая будет регулировать все отношения в обществе. Поэтому там исчезают классовые антагонизмы и создается возможность установления взамен современной индивидуалистической цивилизации коллективистской суперцивилизации будущего, основанной на новых средствах связи между людьми и на новых отношениях между ними. Шарден считает далее, что развитие человеческого общества завершится появлением «совместного человеческого сознания». «Совместное сознание» — новый тип объединения, где предполагается развитие творческой инициативы каждой личности в интересах всего коллектива. Тейяр отрицает духовную стандартизацию в новом обществе и подчеркивает многообразность и богатство интеллектуальной жизни в нем. Многие левые католики и философы (религиозного направления) разделяют эти выводы Шардена и считают такую форму общности весьма близ-

кой к социализму. В русской православной церкви философия Тейяра де Шардена также получает определенное признание. В «Журнале Московской патриархии» были статьи, посвященные Шардену. Особенное удовлетворение здесь вызвала разработка им последовательного христианского миропонимания, связанная с новейшими открытиями в области естествознания. «Следует отдать должное синтезу Тейяра де Шардена, где преданность богу и следование научному знанию, вера в Альфу и Омегу бытия и вера в мир, индивидуальная жизнь человека и вовлечение ее в процесс социализации составляют единый комплекс, устремленный вперед и вверх к исполнению высших целей сознания и совершенства»¹⁰², — констатирует богослов.

Религиозный характер философских концепций Тейяра находит свое выражение прежде всего в том, что развитие высшей цивилизации (суперцивилизации) раскрывается как форма слияния с богом.

Тейяр особенно подчеркивает, что верующий должен стремиться к земному прогрессу так же, как и неверующий. В работе «Христология и эволюция» он писал: «Прославлять бога означало когда-то презирать земные вещи во имя бога, отказаться от них для него и пожертвовать ими, теперь же прославлять бога значит творить statt его сотрудником, совершенствовать свой собственный труд, силами собственного ума совершенствовать созданный богом мир»¹⁰³.

Далее философ говорит, что творческим, созидательным трудом человек реализует процессы божественного сотворения и способствует созданию общества с высшей коллективной сознательностью. Вся история мира — великий процесс преобразования во Христе, включает Тейяр. Подобные высказывания естествоиспытателя являются неоспоримым доказательством его отступления от науки во имя защиты религии. Это особенно ярко подтверждает работа Шардена «Как я верую». В ней он пишет: «Верю, что Вселенная является Эволюцией, верю, что Эволюция направлена к Духу, верю, что Дух воплощается в существе, верю, что наивысшим существом является Универсальный Христос»¹⁰⁴.

Философия Тейяра де Шардена иллюстрирует попытку ее создателя порвать с традиционной религией в рамках той же религии. Все это порождает глубочайшие противоречия в тейярдизме и справедливую критику

его как со стороны религиозников — традиционалистов, так и со стороны ученых-материалистов. И поэтому правильной является оценка тейярдизма венгерским философом Тордан, заявившим, что «теория Тейяра — это теология, находящаяся в процессе разложения, определенная стадия и продукт этого разложения» ¹⁰⁵.

Связь философии и религии прослеживается также и в выводах экзистенциалистов.

Экзистенциализм как философское течение возник в 20-х годах нынешнего века. Это направление как нельзя более полно отражает трагедию человека и его пессимистические переживания в условиях глубокого кризиса империализма. Именно поэтому экзистенциалисты тщательно изучают проблемы отчаяния, страха и, наконец, смерти: Основная категория, которой оперируют философы экзистенциалистского направления, — экзистенция — означает переживание человеком его собственного существования и связанные с этим переживанием эмоции. Субъект этого переживания — личность — рассматривается философами-экзистенциалистами изолированно от общества.

Среди экзистенциалистов выделяются два направления, одно из которых именуется атеистическим, а другое — христианским. Если атеистический экзистенциализм (Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. Бовуар) проявляет в какой-то степени политическую активность в критике империализма, его идеологии и политики, то христианский экзистенциализм обнаруживает полную готовность к примирению с капиталистической действительностью и откровенную апологетику религии. Представителями его являются К. Ясперс, М. Хейдеггер, Г. Марсель и другие. (Одним из активных идеологов этого течения был русский эмигрант богоискатель Н. Бердяев.)

Экзистенциалисты христианского направления предлагают начать изучение объективного мира с самоуглубления в свое «я», в его «подлинную жизнь», к которой они относят такие переживания, как страх, неуверенность, страдание и, кроме того, фантазию.

Познание своего «я» (существования), утверждают они, есть источник всякого истинно философского мышления. Поэтому, заявляет Ясперс, философия начинается с «личной ситуации».

Хейдеггер также сводит философскую проблему бытия к познанию сущности человека. «Философская за-

дача, — указывает он, — заключается в том, чтобы познать самого себя»¹⁰⁶, т. е. познать свои главным образом негативные переживания, чувства и эмоции в их отрыве от общественной социальной среды.

Жуткость и неуютность, говорит Хейдеггер, составляют смысл человеческого существования. Отрывая человека от общества, он раздваивает его существование на «неподлинное» и «подлинное». Существование человека, связанное с трудовой деятельностью, развлечениями, чувством удовлетворения, радости и т. п., Хейдеггер относит к «неподлинной» сфере жизни, а в «подлинную» включает все интимные, и прежде всего тяжелые, гнетущие, переживания и ничем не ограниченную фантазию.

Особое внимание он отводит феномену страха, считая, что именно страх дает возможность полностью раскрыть сущность человека и его существования. Ибо «в страхе человек испытывает свою сокровенную сущность, познает, что он собственно такое»¹⁰⁷. В таком же плане выступает и Ясперс. В общественной жизни, пишет философ, и прежде всего в современном техническом мире, человек «не имеет собственного места... и поэтому он ощущает жуткий ужас покинутости»¹⁰⁸, в котором, по Ясперсу, и раскрывается его «подлинная коммуникация», т. е. существование.

Отрыв личности от общественной жизни экзистенциалисты (христианские) компенсируют связью с богом, с потусторонним (трансцендентным). Г. Марсель считает, что из мистических недр души, из ее подсознательного влечения к чему-то таинственному, непонятному, потустороннему вырастает призрак бога, который направляет и освящает в дальнейшем жизнь человека, его выбор. Далее он утверждает, что-де мучения, жертвенность и страдания способствуют сближению человека с богом. (Эта же идея выступает и в философских трудах Ясперса, где подчеркивается, что страдания и жертвенная смерть помогают человеку постичь бога.) Экзистенциалисты считают, что с момента своего возникновения личность уже принадлежит трансцендентному — потустороннему.

С теологических позиций экзистенциалисты (К. Ясперс, Г. Марсель и другие) решают вопрос о свободе. С их точки зрения, подлинная свобода может быть дарована человеку лишь трансценденцией, т. е. божествен-

ным, потусторонним. Быть свободным, пишет Г. Марсель, это значит, «отрекаясь от мира, ожидать в тревоге и страхе гласа божия» ¹⁰⁹.

Хейдеггер утверждает, что существование человека — это бытие для смерти, а смерть — свобода. Поэтому в философии христианских экзистенциалистов смерть является как бы главной целью жизни человека и трансценденция раскрывается как «возможность быть свободным».

Пропагандируя ожидание смерти как наивысшую цель жизни, как достижение свободы, христианские экзистенциалисты тем самым отрицают необходимость активной, сознательной борьбы против существующих порядков. Если люди живут для смерти, как утверждают Хейдеггер, Ясперс, Марсель и другие, то борьба за лучшие условия реального существования лишена смысла.

Тесная связь с религией неминуемо подводит Хейдеггера, Ясперса и их единомышленников к признанию возможности вечной жизни человека. Хейдеггер, например, раскрывает смерть не как конец жизни индивида, а как достижение новой, возвышенной, идеальной формы существования. Смерть, подчеркивает он, не является отрицанием и угасанием экзистенции, а ее целью, ее возвышением ¹¹⁰. Подобным же образом рассуждает и Ясперс. Временное земное существование, говорит он, не является последней действительностью ¹¹¹.

Все это — весьма откровенная пропаганда тех идей, которые во всеуслышание провозглашали и провозглашают самые убежденные клерикалы с амвонов церквей.

В современных условиях бурного развития науки и техники доказывать бессилие человеческого разума практически невозможно, но христианские экзистенциалисты тем не менее пытаются это делать. Они стоят на позициях агностицизма (идеалистическое философское учение, отрицающее познаваемость объективного мира) и защищают архаичный поповский тезис о том, что вера якобы шире, глубже и истиннее знания. Христианские экзистенциалисты утверждают, что главную роль в познании играет сверхинтеллектуальная (т. е. божественная) интуиция, или вера. Поэтому познание раскрывается в их философии как алогический процесс, в результате которого неизбежно возникает уверенность в существовании трансцендентного. Наука, заявляет Ясперс, «предстает перед живым мыслящим индивидом

как безмерный и угнетающий хаотичный разум. Его вид ужасает и запутанным дьявольским путем приводит человека к мысли о существовании трансцендентного». «В своих истоках, — говорит он далее, — современная наука остается для большинства людей таким же таинством, каким были в свое время магия и алхимия»¹¹². Поставив в один ряд науку с магией, экзистенциалисты возлагают задачу познания мира на религиозную веру.

Экзистенциалистский иррационализм означает решительное отрицание разумной, целесообразной деятельности людей. В особенности это касается стремления человека к изменению общественных порядков. В общественной жизни человек бессилен что-либо предпринять, категорически утверждают христианские экзистенциалисты, и поэтому единственное, что может сделать индивид, — это уйти от всех проблем, поставленных жизнью, в свою экзистенцию, замкнуться в себе, в своем одиноком «я». Поэтому христианские экзистенциалисты открыто выступают с поддержкой антидемократической политики США и других капиталистических стран. Они осуждают национально-освободительное и демократическое движение народов.

Политические заявления Хейдеггера, Ясперса и других свидетельствуют о том, что их экзистенциалистская аргументация вполне гармонирует с антикоммунистической демагогией. Выступая под лозунгом «философия свободы», все они откровенно одобряют тенденции к возрождению фашизма, усиление позиций реакционных сил в ряде западноевропейских государств.

Наиболее острые нападки христианских экзистенциалистов вызывает марксистско-ленинское учение о коммунизме. Отвергая научные выводы марксизма и игнорируя практические успехи стран социалистической системы, они прежде всего обвиняют коммунизм в вещизме. Так, Марсель заявляет, что коммунизм якобы растворяет личность в массе и лишает ее подлинной экзистенции, так как сводит ее духовную жизнь к стремлению «обладать вещами». Извращая суть социалистического общества, Ясперс измышляет мифы о господстве в нем «неполноценных» и «равнодушных» людей, стремящихся лишь к «овеществлению». Рассматривая вопрос о будущем человечества, он категорически отвергает возможность утверждения коммунизма на планете,

считая его «всемирной деспотией»¹¹³. Немецкий экзистенциалист критикует современное буржуазное общество, но его критика касается только лишь одного — «технизации», в процессе которой «люди превращаются в «колесики» механизмов»¹¹⁴, теряют свою экзистенцию, обезличиваются.

Рисуя картину будущего социального порядка, при котором не должно быть обезличивания человека, Ясперс предлагает идеализированное патриархальное общество — «субстанциальную общность». Человек, говорит он, будет жить «в окружающем мире в качестве себя самого, благодаря связи воспоминания и предвидения. Он живет не в одиночестве, а дома, в семье, в дружеской коммуникации от отдельного к отдельному, в народе, принадлежа к историческому целому»¹¹⁵. Ясперсовский рецепт будущих идеальных отношений, построенных на воспоминании, — утопия, но ее готовы признать все враги коммунизма.

Современные религиозно-идеалистические философские системы со всей очевидностью иллюстрируют глубокий упадок и реакционность мировоззрения (особенно в выводах христианских экзистенциалистов) буржуазии наших дней.

В философии неотомистов, тейярдистов, христианских экзистенциалистов и других им подобных течениях со всей полнотой раскрывается стремление современных «лакеев поповщины» создать удобную, модернизированную религию, пропагандируемую «демократическими попами» — попами без рясы, учеными, теоретиками — под видом нового философского откровения антимарксистского характера.

Безусловно, модернизация и «подновленность» этих религиозно-философских концепций делает более сложным их разоблачение и требует внимательного и глубокого изучения всех новых методов и приемов адептов буржуазной философии в их борьбе за укрепление своих позиций в обществе.

Модернизация и приспособление религии встретили широкое одобрение и поддержку со стороны ревизионистов, тех же попов без рясы, все еще именующих себя марксистами. Многие последователи этого антикоммунистического течения раскрывают якобы имеющиеся пути сближения религии с марксизмом и даже пытаются доказывать необходимость подобного альянса.

Наиболее ярким выразителем этих взглядов является ренегат Роже Гароди, исключенный в 1970 г. из рядов Французской коммунистической партии за ревизионистские концепции. В своих работах (60—70-х гг.) он откровенно пропагандирует апологетику религии и настаивает на ее якобы положительной роли в истории общества. У Гароди находятся последователи: Л. Колаковский (Польша), М. Маховец (Чехословакия), Э. Фишер (Австрия) и другие.

Гароди клеветнически называет марксизм-ленинизм догматическим, механистическим мировоззрением и требует немедленного «переосмысливания» его. «Переосмысливая» марксизм, он утверждает, что главным содержанием марксистской философии является якобы не материалистическое решение основного вопроса философии и не диалектический метод изучения объективного мира, а проблема творческой активности человека (т. е. концепция субъективности).

Таким образом, в качестве предмета марксистско-ленинской философии Гароди выдвигает цельного тотального человека как воплощение творческого начала. «Попытка придать субъективному фактору решающее историческое значение приводит к обособлению этого фактора в такой степени, что революция становится, в конце концов, чем-то чисто внешним в рамках антропологии и методологии, отделенных от теории государства, общества и классов»¹¹⁶.

Одновременно Гароди предлагает по-новому оценить роль религии в развитии общества и раскрыть ее истинную сущность. В новой ревизионистской трактовке религия выступает уже не как антинаучное мировоззрение, а как философия активного действия человека. Поэтому, поучает ревизионист, религиозную веру нужно приветствовать и поддерживать, ибо она-де стимулирует активную деятельность человека и его стремление к революционному изменению мира. Гароди при этом ссылается на Томаса Мюнцера, который возглавил вооруженную борьбу крестьян под лозунгом установления «царства божьего» на земле. Выступая, по существу, как защитник религии, он также весьма уважительно говорит и об Иоахиме Флорском (XII в.), который считал, что святой дух является силой и творцом в обществе. Перечислив ряд подобных фактов, Гароди приходит к абсурдному заключению, что «революционный

дух», содержащийся будто бы в религии, необходимо использовать для борьбы за победу социалистической революции и построение коммунистического общества.

Итак, вопреки реальной сущности религии, которая является порождением бессилия, беспомощности и пассивности человека перед сложными явлениями общественной жизни и природы, ревизионист усматривает в ней проявление революционности. Все это неоспоримо свидетельствует о том, что он полностью отрекается не только от марксистского атеизма, но и от всего научного марксистско-ленинского мировоззрения.

Новоявленный защитник религии выдвигает идею объединения религии и марксизма для совместных революционных действий. Эту же мысль охотно поддерживают Э. Фишер, Л. Колаковский, Э. Блох и другие.

Р. Гароди говорит не только о сотрудничестве, но и о «взаимообогащении» марксизма и христианства. В книге «За возрождение надежды» он пророчески вещает, что-де марксизм потеряет очень много, если для него будут чуждыми святой Павел и святой Иоанн Креститель; христианство также будет обедненным, если в свою очередь не сблизится с марксизмом. Гароди требует «взаимного оплодотворения» этих двух диаметрально противоположных мировоззрений, утверждая, что это якобы и приведет к успешному разрешению всех сложных социальных проблем.

Считая, что только религия способна стимулировать активную, творческую деятельность человека, он пугает марксистов той «трагедией», которая якобы возникнет в результате их нежелания осуществить рекомендуемое им «взаимообогащение». И наоборот, восторженно заключает ревизионист, если марксистская диалектика вберет в себя «чудесное христианское наследие», то будет значительно более разработана «теория субъективности и теория трансцендентного».

Отступая от марксизма, Гароди ревизует известное определение религии как опиума для народа, данное Марксом. Он искусственно разделяет христианство на две формы: позднее, ставшее при римском императоре Константине официальной религией, христианство, основанное на константинианских реакционных традициях, и раннее, апокалипсическое («Апокалипсис» — одна из книг Нового завета), «революционное», связанное с традициями первых веков его истории.

Гароди решительно осуждает константинианскую религию, ибо она оправдывает классовое господство и эксплуатацию в обществе, и поэтому для нее он допускает Марксову характеристику религии как опиума для народа. Апологет богословия заявляет далее, что-де по мере активизации народных масс константинианская традиция религии постепенно сходит на нет и все большее значение приобретает традиция апокалипсическая. Это особенно отчетливо проявляется, подчеркивает Гароди, в настоящее время под влиянием создавшихся новых общественных условий. Сейчас, утверждает он, апокалипсический полюс берет верх, и поэтому в наши дни христианство не является опиумом для народа, а наоборот-де, стимулирует творческое начало и борьбу за прогресс.

Исходя из этого, Гароди приходит к нелепому, анти-марксистскому заключению, что любой верующий, активно участвующий в политической жизни страны, может вступить в коммунистическую партию, выполнять все ее поручения и даже занимать в ней руководящий пост. Христианин может быть революционером, резонерствует он, не вопреки своей вере, а благодаря ей.

Подменяя мировоззренческие проблемы тактическими, он, по существу, провозглашает религию частным делом по отношению к партии и повторяет в этом вопросе концепции реформистов II Интернационала, в свое время резко раскритикованные В. И. Лениным.

Известно, что В. И. Ленин указывал на необходимость совместных действий верующих и неверующих в борьбе против царизма и капитализма. Но вместе с тем он всегда решительно подчеркивал глубокий идейный вред религии и говорил о непримиримости религии и марксизма в решении мировоззренческих проблем. По отношению к государству религия может быть частным делом (т. е. любой гражданин может быть верующим или неверующим), но по отношению к партии религия не может быть таковым, ибо программа коммунистической партии, указывает Владимир Ильич, «вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении» и «наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма»¹¹⁷.

Пренебрегая научным анализом религии, Гароди и его сторонники Колаковский, Маховец и другие настойчиво призывают марксистов взять все «наиболее цен-

ное» из христианского наследия. В книге «От анафемы к диалогу» (1962) он пишет, что вопросы о смысле жизни, о смерти, о человеке и его природе наиболее полно и обстоятельно разработаны теологами, но что многие ответы на них даны догматически, поэтому теоретики марксизма должны усовершенствовать разработку этих важнейших проблем.

В одном из интервью Гароди весьма категорично заявил, что марксизм и христианство дополняют друг друга. Христианскую религию он именует «ферментом революции» современной эпохи, ибо постулаты (положения) революционной борьбы — это библейские постулаты.

Следуя примеру известных теологов-авангардистов — Д. Робинсона, Д. Бонхоффера и других, Гароди рекомендует демифизировать религию и тем значительно «улучшить» ее, освободив от мифов и сказаний Ветхого и Нового заветов. Отступив от марксизма, он солидаризуется со многими положениями «теологии надежды», которую полностью одобряет и поддерживает такой же ренегат Э. Блох. Гароди также преувеличивает значение «теологии революции» и других новых направлений в христианстве.

Все это в конечном итоге привело к целому ряду не только антинаучных и реакционных, но и мистических выводов ревизиониста-богослова. Так, в одном из своих выступлений Гароди заявил, что всемогущий и всеобъемлющий человек, признаваемый марксистами как высшая ценность, есть воплощение христианского бога. В одной из своих книг он пишет, что человек-де является образом и подобием божьим в силу своей непрерывной деятельности — обновления, творчества, созидания и готовности «в любой момент начать шествие в непредвидимое будущее». Поэтому, по Гароди, в таких психологических и эмоциональных процессах, как научное творчество, художественное вдохновение, любовь, стремление к революции и т. д., раскрывается присутствие бога. Появление чего-то нового в истории и жизни людей и есть якобы проявление божественного. В силу этого, поучает он, марксизм может быть подлинно революционным учением лишь в том случае, если он использует этот божественный аспект человека.

Во всех высказываниях Гароди чувствуется определенная близость к тем выводам, с которыми выступали

в России в начале XX века богостроители, обожествившие потенции человека и его стремление к объединению для совместной революционной борьбы. Поэтому для критики подобных измышлений со стороны Гароди необходимо напомнить те положения В. И. Ленина, которые он адресовал М. Горькому, увлекшемуся на какое-то время богостроительством. «Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей». Бог, — подчеркивает Ленин, — комплекс идей, «*усыпляющих* классовую борьбу»¹¹⁸. И поэтому, указывал Владимир Ильич, всякая идея боженьки и всякое кокетничание с боженькой «есть невыразимейшая мерзость»¹¹⁹.

Каждому материалисту ясно, что любая защита бога и протаскивание религии в форме утонченных выводов представляет опасность для марксистского мировоззрения и классового самосознания пролетариата. В то же время такую защиту бога и религии всегда готовы признать и поддержать идейные адепты капитализма. Не случайно поэтому теолог Джирарди, о котором мы уже говорили, дал положительную оценку выводам Гароди.

Выступлениями Гароди заинтересовался также и ватиканский секретариат по делам неверующих. Руководство секретариата рекомендовало всем католикам использовать аргументацию Роже Гароди и других подобных ему ренегатов в борьбе против научного материалистического мировоззрения.

Призывая марксистов к использованию религии, Гароди считает необходимым разработать в марксистской философии вопрос о трансцендентном (потустороннем), ибо, подчеркивает он, это волнует как верующих, так и атеистов в наши дни. Верующие, указывает Гароди, подразумевают под трансцендентным нечто иррациональное, они усматривают в нем акт божественного воскрешения. Для атеистов же трансцендентное — это якобы воплощение сокровенных надежд, это человеческое будущее, устремленное в бесконечность. И это будущее, заявляет ренегат, «не обязательно должно быть связано с отрицанием царства божьего».

Марксистская философия, как известно, ставит проблему будущего, подразумевая под этим коммунистическое общество. К чему же в угоду тем, кто боится

самого слова «коммунизм», подавать его в религиозно-мистической оболочке трансцендентного, утверждая, что это якобы ближе и понятнее пролетариату, чем призыв к борьбе за бесклассовое коммунистическое общество?

В религиозной интерпретации марксизма Гароди уделяет большое внимание таким проблемам, как воскресение Христа и вера в него, подчеркивая тем самым свою полную солидарность с богословами. Воскресение Христа трактуется им как творческий акт. Он пишет, что христианин не обязательно должен верить в реальное воскресение Христа и рассматривать этот процесс как возврат к жизни через реанимацию. Нужно верить, утверждает Гароди, лишь в то, что воскресение возможно.

Все это — софистика, лишенная здравого смысла, но вполне достойная знаменитого изречения христианского теолога и оратора Тертуллиана: «Верю, ибо это абсурдно!»

С религиозно-мистическим апломбом ревизионист провозглашает основой всей творческой деятельности человека веру в воскресение Христа. Вера в воскресение, говорит он, это фермент всякой жизни. В одной из последних работ — «Исповедь человека» Гароди настаивает на объединении социализма и веры. Этот альянс, считает автор, необходим: вера-де окажет позитивное влияние на социализм, придав ему «трансцендентность пророческого свойства», она откроет перед ним перспективу бесконечного обновления, а социализм, со своей стороны, придаст вере боевой, исторический характер.

Ревизионист-мистик предлагает также свой метод изучения истории, который заключается в том, чтобы видеть всю историю человечества как процесс... воскресения. Распятие и воскресение Христа, заявляет Гароди, является выражением... христианской диалектики, определяющей якобы историческую миссию пролетариата — спасение и возрождение всего человечества.

Возникает вопрос: почему философ, упорно продолжающий именовать себя марксистом, полностью отказывается от научного миропонимания и связывает с религиозными толкованиями и библейской аргументацией те процессы, которые совершаются объективно и закономерно в общественной жизни? Ответ дает сам

автор. Если в «Альтернативе» (1972) Гароди еще сомневался, является ли он христианином, то в «Исповеди человека» (1975) он пишет, что не мыслит своей деятельности без христианства. Отсюда и проистекают богословское мудрствование Гароди и его окончательное сползание на позиции идеализма и мистицизма.

С подобными утверждениями выступили сторонники Гароди Маховец, Гордовский и другие во время диалога между верующими и марксистами в 60—70-х годах.

Основным вопросом диалога Гароди, например, считал не вопрос о том, что может объединить марксистов и христиан в борьбе за свои права, а отвлеченные философско-антропологические проблемы о бытии и существовании человека. Он не прочь также пофилософствовать на тему о боге, о трансцендентном и т. д.

Если марксисты выступили с резкой критикой Гароди и К⁰ по поводу их высказываний во время диалога, то церковники отнеслись к сентенциям ренегатов положительно. Их вполне устраивало восхваление религии и стремление ревизионистов доказать ее якобы прогрессивную роль в развитии общества. Не могли остаться равнодушными теологи и к их призывам заняться проблемой трансцендентного. Они весьма одобрятельно встретили также и заявление Гароди, что он относит себя к числу верующих.

Активно пропагандируя «взаимообогащение» марксизма и религии, социализма и веры, Гароди вместе с тем усердствует над разработкой «новой модели» социализма со всякими религиозно-мистическими атрибутами. Эту «модель» он рекламирует как идеальный образец, который, однако, практически неосуществим, так как основан на антинаучной идеологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис религии, охвативший все страны мира, привел к необходимости обновления и модернизации ее. Религиозные представления трансформируются и изменяются вслед за изменением конкретных исторических условий того или другого общества. «Ясно,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках про-

исходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит, и в их религиозных представлениях»¹²⁰.

Таким переворотом в общественных порядках явилась прежде всего Великая Октябрьская социалистическая революция и последующее образование мировой социалистической системы. Это способствовало разрушению религиозно-мистических представлений о беспомощности человека и о его якобы полной неспособности менять общественный уклад, установленный богом.

Крушению религиозных представлений также способствовали национально-освободительное движение и научно-технический прогресс, убедительно продемонстрировавшие активность человека и его творческие способности. В конечном итоге эти изменения в общественной жизни породили глубокий кризис религии и как следствие его — модернизацию и приспособление религиозных, иллюзорно-мистических представлений о современной жизни.

Прослеживая процесс обновления религиозных догматов и вероучений, мы сталкиваемся с попытками церковников не только дать теистическое (божественное) толкование социально-политическим явлениям, но и подчеркнуть превосходство религиозного миропонимания над марксистско-ленинским.

Представители русского православия выступают с обоснованием необходимости социалистической революции и коммунизма, исходя из основ религиозного мировоззрения. Они осуждают империализм и всех идеологов, поддерживающих его, прибегая при этом к религиозно-мистической аргументации.

Все это предпринимается богословами ради спасения религии в условиях развитого социалистического общества с преобладающим числом неверующих.

Западные теологи-обновленцы действуют не столь решительно, но и они проводят, как мы видели, критику отдельных сторон капитализма, не помышляя, однако, о его уничтожении. Более активно выступают авангардистские левые направления в христианстве ряда стран (особенно Латинской Америки). Но и их «революционность» опирается на теологию и ею обосновывается.

Подобные сентенции богословов и теологов наших

дней не должны никого вводить в заблуждение, ибо религия, с какими бы новациями она ни подавалась, всегда остается по своей сущности антинаучной, реакционной идеологией, доказывающей полную зависимость личности от «божественного промысла». Этим самым религия лишает человека инициативы и сознательной творческой активности во всей его деятельности, направленной как на прогрессивное развитие общественной жизни, так и на решение своих личных проблем.

Церковники всех стран, как прежде, так и в наши дни, упорно внушают верующим, что-де, только опираясь на божественное предвидение и подчиняясь божественному руководству, человек сможет быть счастливым в земной жизни. Поэтому необходимо помнить слова В. И. Ленина, что «идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства)» ¹²¹.

Творческое бессилие современной буржуазной философской мысли породило ее тесный союз с религией. Это мы могли проследить на примере теологических сентенций неотомизма, христианского экзистенциализма и религиозно-мистических выводов Тейяра де Шардена. Подтверждаются слова В. И. Ленина, что философский идеализм «*всегда* сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии» ¹²².

Однако, несмотря на падение престижа религии, церковные организации капиталистических стран продолжают вести активную работу среди самых различных слоев населения. В большом количестве выходят религиозные журналы, газеты и книги. Создаются театральные представления и кинофильмы на библейскую тематику и т. п. Поэтому предупреждение В. И. Ленина о том, что фидеизм, «который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы» ¹²³, не потеряло своего актуального значения. Это ставит перед коммунистами всех стран задачу последовательной, научно обоснованной и аргументированной борьбы против религиозного миропонимания для полного освобождения человека от его идейных пут.

Раскрывая иррациональную, мистическую сущность религии, коммунисты никогда не унижают человеческого достоинства верующего, не ущемляют его прав. На-

против, они высоко оценивают трудовую деятельность верующих, их активную борьбу за мир, прогресс и демократию. Поэтому коммунисты всех стран ищут общие с ними пути и стремятся к более тесному сплочению в решении важнейших проблем, волнующих все человечество.

В. И. Ленин неоднократно говорил о важности привлечения верующих к общему революционному движению. Он решительно осуждал абстрактную «идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума» вне классовой борьбы». Вопрос об отношении к верующим следует решать исходя из конкретно-исторических условий и добиваться, чтобы он был подчинен основной революционной задаче — «развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров»¹²⁴.

Сплочение всех трудящихся в борьбе за их классовые интересы активно поддерживает наша партия. Выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве (1973), Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Свой оптимизм в отношении дела мира мы связываем, наконец, с деятельностью всех общественных движений, выступающих за мир и столь широко представленных здесь, на этом всемирном форуме, с дальнейшим развитием совместных действий коммунистов, социалистов, социал-демократов, христиан»¹²⁵.

Возможность подобного объединения убедительно подтверждается практикой строительства нового общества в странах мировой социалистической системы. Трудящиеся этих стран — и верующие и неверующие — совместно участвуют в создании и укреплении развитого социализма.

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза утвердил «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Выполнение новых задач, поставленных партией, требует от каждого советского человека активной жизненной позиции, которая неразрывно связана с высокой коммунистической нравственностью и марксистско-ленинской идеологией.

• ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПРОЗРЕНИЕ

КАК ВЕРУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК ПРИШЕЛ К РАЗРЫВУ С РЕЛИГИЕЙ

Выглядит он современно. Костюм с яркой рубашкой. Очки в позолоченной оправе придают взгляду особую серьезность. Его трудно представить в кругу богомольных старичков и старушек.

А ведь все это было: и богослужения, и проповеди, и экзамены в духовную семинарию...

Василий Каргаполов родился в 1948 году в небольшой сибирской деревеньке Знаменского района Омской области. Время было трудное, послевоенное. Народ из деревни уходил. И вскоре в ней осталось лишь несколько семей.

Мальчик рос болезненным и неловким, сверстники часто смеялись над его неумелостью. Василий любил уединяться. Играл с еловыми и кедровыми шишками в немудреные, им же придуманные игры, фантазировал, мечтал. Часто он наблюдал полет пчел, их замысловатую «разумную» работу, восхищался мудрым устройством цветов и их яркими красками. В его детском сознании всплывали вечные вопросы: «откуда», «почему», «как»?.. Безответные вопросы. Потом в школе они тоже мучили его, не все он понимал из объяснений, но спросить учителей не решался.

Окончена школа. Как жить дальше? Выбор пал на близлежащий городок Тару. Василий поступил в зооветеринарный техникум. Там, «вместе со всеми», стал комсомольцем. Учился без огонька и задора, общественные поручения выполнял аккуратно, но равнодушно. И только запятой по основам научного атеизма ждал с нетерпением: у него пробуждался все больший интерес к... религии. Пока что интерес естественный: то была для него неведомая и потому загадочная, манящая страна. Стал искать религиозные книги, чтобы получить сведения «из первых рук». Так вот почему столь красивы и совершенны цветы и разумны действия пчел и муравьев! Им предшествовал высший Разум и одухотворенная Целесообразность! Пока что он не называл их богом-творцом. Пока.

Как-то, будучи в Омске, зашел в православный собор. Службу вел сам епископ. Тонкая, продуманная проповедь затронула

сознание молодого человека, прошедшего юность в глухом селе. Вернувшись в Тару, часто думал об увиденном и услышанном. Поразили и привлекли обращения в проповеди: «дорогие братья и сестры», «возлюбленные чада», манера общения верующих — объятия, поцелуи. И тут — новое озарение. Вот почему неласковы друг к другу и к нему окружающие — не знают бога...

«К религии меня привела не темнота, не бездумность, а стремление к нравственному идеалу, равнодушное отношение со стороны некоторых людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Меня всегда мучил вопрос о смысле жизни человека, о роли его в обществе, о человеческой справедливости».

Потом была встреча с Любой. Они вместе учились в техникуме, были хорошо знакомы. Но открыли друг друга уже после окончания учебы. Поженились. Василий посвятил жену в свои духовные сомнения и искания. И хотя Люба их не одобряла, но поняла мужа. Решили переменить обстановку, уехали из родных мест сначала в Тобольск, потом в Краснодарский край. Но смерть матери Любы, беспомощность ее полуслеплого отца вынуждают их возвратиться в Тару. И все вернулось «на круги своя».

Всякий раз, бывая в Омске, Каргаполов спешил в церковь. Там молодого человека заметили: немного их, молодых, регулярно бывает в храмах. И Василия принял владыка. Беседа была долгой, доверительной. Священнослужитель понял, что может дать церкви молодой, образованный человек. И не жалел для него времени и внимания. Их встречи становились все более дружественными. Сомнения и колебания Василия отходили на задний план. И однажды епископ сказал: «Ты хотел быть полезным церкви, друг мой. В Таре есть группа верующих, они добиваются регистрации своей общины. Помоги им». И назвал имена людей, с которыми Василию полагалось встретиться. С волнением и радостью отдался тот новым заботам. Тем более что в общине его приняли с радостью и почетом.

«Ко мне часто относились с пренебрежением, с насмешками, а иные просто молча обходили стороной. Мне до слез было обидно, когда один человек (не буду называть его фамилию), имеющий высшее образование и занимающий высокую должность, сказал: «А если начнется война, то ты и Родину не пойдешь защищать?» Только верующие ко мне относились хорошо. Позже мне стало ясно, что это было чисто внешнее, иногда лицемерное».

Но понимание это придет позже, а пока Василий верил в доброту и искренность членов общины и ему приятно было почувствовать себя значительным и нужным людям! Что скрывать, и дремавшее тщеславие проснулось, заговорило. Долгие годы он был лишь исполнителем чужой воли, пассивным зрителем или слушателем происходящего. Сейчас прислушивались к нему, и не только прислушивались — прислуживали. Это льстило. Почувствовал себя таким, каким когда-то лишь воображал в тайных своих мечтаниях: сильным, умным, энергичным. Ему казалось, что свершилось то, что должно было свершиться, — он занял свое достойное место в жизни.

Василий становится главным ходатаем по регистрации тарской православной группы. Ездит в Омск, Москву. Его хлопоты увенчиваются успехом, и в Таре оформляется православная об-

щина. Верующие покупают молитвенный дсм. Влияние Каргаполова в группе возрастает. Но ему дают понять: плохо подготовлен к высокому своему призванию, к тому же «нехристь». Решение созрело — приобрести богословское образование и принять крещение.

В Никольской церкви Омска Василий принимает крещение, получает церковную рекомендацию и уезжает в Загорск держать вступительные экзамены в духовную семинарию.

«То состояние души, с которым ехал я в Загорск, можно без малейшего преувеличения назвать восторженным, возвышенным. Со священным трепетом переступал я порог этой «духовной колыбели» будущих служителей церкви... и, пораженный, остановился уже в вестибюле у доски объявлений. В вывешенных на ней приказах то и дело мелькали строки: «объявлен выговор...», «исключен...». Причины — пьянство, прелюбодеяние, драка и прочее. Для меня с моим ожиданием большой нравственной высоты, готовностью следовать всем христианским принципам искренне и до конца эта прилипшая к святым стенам «мирская грязь» была не просто неожиданностью, она была потрясением. Она впервые посеяла в душе смутное зерно, а то, что пришлось видеть и наблюдать потом, щедро удобрило его всходы»¹²⁶.

В конце концов ему стало так скверно, что он не выдержал и уехал, сдав лишь часть экзаменов.

И вот он снова в Таре, в родном доме. Казалось, что прошел не месяц со времени его отъезда — годы. Как повзрослели дети, как изменилась жена. Четырехлетняя Лена смотрит не по-детски скорбно. Видно, что Люба, хотя и крепится, тяжело переживает обращения мужа к церкви.

«Жена и раньше пыталась мне противостоять, но что могла она сделать? Ведь я так разбирался в вопросах религии, что порой она соглашалась со мной, а в лучшем случае уходила от разговора. Или начнет меня стыдить, или просто отругает. Иногда расплачется».

Василий впервые так остро почувствовал боль близкого человека. Внешне все оставалось по-прежнему, но что-то повернулось в его душе, тревожило, мешало верить безграпично, безотчетно. Появилось какое-то новое, обостренное зрение. Как мог он раньше ничего не замечать!

Вот негласная руководительница религиозной группы Агафья Николаевна Мерзликина — богобоязненная женщина. Богобоязненная? Однажды по церковным делам Василий зашел к ней. В доме был ремонт, и поэтому хозяйка принимала его в амбаре. Там в глаза Василию бросились иконы, покрытые толстым слоем пыли. К ним давно не прикасалась человеческая рука. Какое кощунство! Святыня свалена как рухлядь!

Василий метался.

«Чем глубже вчитывался в Библию, тем больше... находил там противоречий, мест непонятных, порой просто абсурдных. Скажем, родословная Иисуса Христа. В Евангелии «от Иоанна» написано одно, а «от Луки» — совсем другое. Кому верить? История сына божьего представляла все более туманной. Предательство Иуды. Понятно, что подло за тридцать сребренников отправлять на смерть ближнего. Но можно ли здесь говорить о предательстве в полном смысле слова? Ведь Иисус заведомо

знал, что Иуда предаст его, да и само предательство было как бы «запланировано», произошло в строгом соответствии со «сценарием», написанным богом-отцом. Выходит, Иудой руководила божья рука, божий промысел? Или жития святых, творимые ими чудеса. Да ведь при сегодняшнем уровне техники обыкновенный квалифицированный рабочий творит такое, что никому святому и во сне не снилось. Пророк Иона три дня пробыл в чреве кита. Это же сказка, и только. Причем сказка для самых маленьких. Дочь моя в нее уже ни за что не поверит».

Не задавать вопросов он уже не мог. И, не находя ответов в религиозной литературе, обратился к другим книгам. Он и раньше бывал в библиотеках, но лишь для того, чтобы взять учебники или легкое, приключенческое чтиво. Эти книги душу не трогали. Теперь он искал другое, читал серьезные произведения, знакомился с философской, научной литературой.

«Так вот, размышляя над книгами, наблюдая за жизнью вокруг, постепенно пришел я к выводу, что религия, призванная объединять людей, вселять в них чувства любви, братства, на самом деле — разъединяет. Даже внутри нашей небольшой общины — и то неприязнь, интриги, дразни».

Книги взывали к его разуму, здравому смыслу. Но роман Войнич «Овод» буквально потряс его: «Артур молча отвернулся. На стене висело большое деревянное распятие, и глаза юноши медленно поднялись к лицу Христа, но в них была не мольба, а только удивление перед этим покладистым и нерадивым богом, который не поразил громом священника, нарушившего тайну исповеди».

«Бог, церковь были для меня смыслом жизни, и я не мыслил себя без них. И когда с моих глаз спала религиозная пелена, то я оказался как бы у разбитого корыта. То, к чему я стремился долгие годы, оказалось пустое, ненужное».

Однажды в воскресенье дочка спросила его: «Папа, сегодня ты не пойдешь молиться? Я играть с тобой хочу!» Прижал к себе дочурку и, как клятву, произнес: «Молиться не пойду ни сегодня, ни завтра».

Решение найдено и принято. Но как его осуществить? Можно тихо, незаметно отойти от церкви. Но будет ли это правильно и честно? Честно по отношению к другим, которые могут повторить его ошибку, по отношению к верующим, которые думают, что им двигали обида, страх, приспособленчество. Наконец честным и по отношению к себе: силен он, принципиален или слаб и труслив?

Ему очень помогли. И на работе — в тресте Тарамежрайгаз, и в городском комитете партии, куда он обратился, и в редакции районной газеты, где опубликовали его письмо.

«Все яснее я стал осознавать, что только полный и открытый разрыв с религией может примирить меня с совестью и дать право считать себя честным человеком. Не обида, не личные чувства или соображения побуждают меня к этому шагу — я ухожу по мотивам мировоззренческим и притом не под чужим влиянием, а после многократных собственных исканий и нелегких размышлений».

Невольно возникает вопрос: если бы человеческая помощь и поддержка были раньше, когда Василий учился в школе и

техникуме, когда работал в различных организациях (а он сме-
нил шесть за эти годы)? Так ли прожил бы он свои 30 лет?

Разумеется, многое зависит от самого человека. Василий
Каргаполов достаточно строг и справедлив к себе.

«Конечно, я сам виноват. Сейчас-то я это понимаю. Ну что
значит «один»? Кругом были люди. Пусть новые, незнакомые
мне, но ведь не чужие. Я же сам отгораживал себя от них тем,
что замыкался в себе, ждал пока заметят, позовут, вместо того
чтобы самому идти к ним навстречу».

...Среди объявлений, которых было особенно много в тот
день, внимание студентов Омского института инженеров желез-
нодорожного транспорта привлекло небольшое извещение: «Фа-
культет общественных профессий. Секция атеизма. 17.00. Ауд.
310. «Я верил в бога». Рассказ В. А. Каргаполова».

Э. ТАКЕЛЛО

(«Комсомольская правда», 1980, 7 июня)

2. «ЗАПАД ИЩЕТ СЕНСАЦИЙ...»

ЗАЯВЛЕНИЕ СВЯЩЕННИКА Д. ДУДКО

В январе 1980 года органами государственной безопасно-
сти за антисоветскую деятельность был привлечен к ответствен-
ности священник с. Гребнево Щелковского района Московской
области Д. Дудко.

Западные подрывные центры, специализирующиеся на анти-
советских вымыслах, развернули в этой связи шумную кампа-
нию о «преследованиях за веру», которые якобы имеют место
в СССР, и «необоснованном аресте» Дудко.

Как установлено в ходе следствия, Д. Дудко, поддерживая
преступную связь с представителями зарубежных антисоветских
организаций, передавал им подготовленные клеветнические ма-
териалы, порочащие советский государственный и обществен-
ный строй, которые широко использовались в проведении враж-
дебной деятельности против СССР. Сам Дудко полностью при-
знал свою вину, осудил свою антисоветскую деятельность и от-
казался от ее продолжения. Ниже публикуется его заявление
для печати.

В январе 1980 года я был арестован органами государствен-
ной безопасности за антисоветскую деятельность.

Я сначала отрицал свою вину и заявлял, что никогда не
выступал против Советской власти, а как священник веду борь-
бу с безбожием. Затем я понял, что я арестован не за веру в
Бога, а за преступление.

У меня и до ареста были сомнения в правоте своих дей-
ствий, в которых, конечно же, был заложен не только религи-
озный смысл.

Раздумья помогли мне сделать, как я сейчас уверен, пра-
вильные выводы. Я понимаю, какое зло я принес своей стране
и своей Церкви. И в то же время сознаю, что, несмотря на мой

конфликт с Законом, насколько долго и терпеливо ко мне относилась Советская власть, щадила меня, шла мне на уступки, пыталась неоднократно направить на путь истинный.

Тут, кстати, подумал я, что я христианин, тем более священник, а в Евангелии сказано: «Всякая власть от Бога, противящийся власти — противится божьему установлению». Вот оно и преступление налицо, как бы на него ни смотреть, с религиозной или государственной точки зрения. Найдена была основная мысль — и вот я уже себя уличил в преступлении. Далее разматывать завязавшийся клубок в моей жизни становилось легче, я стал критически смотреть на свою деятельность.

«В чем выражается твоя борьба с безбожием?» — спросил я себя. Ты борешься со всякой преступностью: пьянством, хулиганством, моральным разложением, за укрепление семьи, а тем самым и общества — это хорошо, но в этом тебя не обвиняют, с этим же борется и Советская власть. Ты ратуешь за православную веру, и в этом тебя не обвиняют. Ведь ни разу же тебе не предложили, допустим, отказаться от веры в Бога, более того, говорят, что Церковь имеет патриотическое значение, в Отечественную войну в борьбе за независимость нашей Родины участвовали как неверующие, так и верующие. Посмотри на русскую Православную Церковь, как она делает. Ведь патриархи, а не кто-нибудь, избрали такой путь, какой у нас сейчас. А ты пытался поучать епископов, что они не так делают. Не кроется ли здесь умысел столкнуть Церковь с Государством? Разберись-ка как следует. Вспомни, как тебя и рядовые верующие упрекали, что ты занялся политикой. Не в самом ли деле твоя борьба с безбожием есть просто борьба с Советской властью? Нужно было отвечать на вопрос, пусть пока самому себе, тем более, что я ранее был судим за антисоветскую деятельность. Советская власть отнеслась ко мне гуманно — меня освободили. Но сделал ли я правильные выводы из этого. Конечно же, нет.

В своих рассуждениях я шел все далее и далее, вспоминал то, что я писал и печатал за границей. Особое беспокойство вызывало содержание моих книг и статей. Мне было неловко вспоминать те антисоветские выражения, клевету, которые были в них, краснел, волновался, чувствовал себя виноватым. Разве ты не видишь, что при всей твоей доброжелательности (кстати, твою доброжелательность тоже не упустили) ты оказался злобно настроенным?

Так раскаивайся же. Неужели ты думаешь, что на Западе поймут нас больше, чем мы себя? Даже хотя бы русские, живущие там. Они давно уже оторвались от Родины и мало знают, что здесь делается.

Ты клянешься в любви к своему народу и своей Родине. Любовь не на словах выражается, нужно осуществить на деле, прежде всего от всего отказаться, что не так. Задуматься также, как христианин, тем более священник: народ — это твой народ, с которым ты должен жить и делить вместе, как говорится, радости и горести, а ты все пытаешься делать в одиночку, отсюда твои ошибки, промахи и заблуждения. В одиночку в наше время делает тот, кто носит эгоистически со своей правдой, не видя правды других. Наконец, правды без любви к людям не бывает — это правда жестокая, как говорит русский святой пре-

подобный Серафим Саровский. А любовь к людям — это одновременно и любовь к Богу. Кто говорит, что любит Бога, а ненавидит брата своего, — ложь есть, говорит евангелист Иоанн Богослов. Так пойми же, что тебе нужно делать. Не где-либо, а здесь, в Советском Союзе, судил тебе жить Бог. И если даже самое незначительное случайно не бывает, тем более не случайно то, что ты здесь живешь. И нужно не где-то носиться в мечтах, а находиться здесь, делая для всех полезное дело.

Вдумайся и в то, как делает наша Русская Православная Церковь. Воспитывая людей нравственно, она ведет борьбу за мир, который нам теперь так всем нужен, посмотри, сколько вражды во всем мире, как бряцает оружием администрация Картера, грозя братоубийственной войной и вызывая негодование и протест всех народов своими агрессивными замыслами.

Я шел и шел, шаг за шагом перебирая то, что я делал. Наконец, посмотри, что из твоих сочинений в первую очередь печатает Запад, что пытается передавать по радио. Возьми хотя бы свою газету — проповедь «В свете преображения». Обязательно те случаи, которые порочат нашу страну. А в газете твоей попадался материал и непроверенный. Неужели твое писательское тщеславие все перекрывает? Ты думаешь, им ты нужен? Вот тебе уже писали уехавшие туда и разочаровавшиеся в том образе жизни: Запад ищет сенсаций, он забавляется тобой, позабавившись, выбросит, уже и сейчас на тебя там ополчились. Так кому же ты служишь? Понимаешь теперь? На месте, говорят, камень обрастает, а ты в своем воображении носишься где-то, не видишь, что делается в стране.

И мне было нечего сказать самому себе.

Я увидел, что поддался вещанию тех пропагандистских голосов, которые направлены на подрыв нашего строя, и не увидел того, что делается у нас в стране на самом деле для блага народа.

Более того, считая себя членом Русской Православной Церкви, не хотел идти с ней в ногу, забывая о том, что наша Церковь именно делает то дело, которое ей нужно.

Я отказываюсь от того, что я делал, расцепиваю свою т. н. борьбу с безбожием как борьбу с Советской властью.

Моя деятельность приобрела антисоветский характер еще более и потому, что она вначале подогревалась, а затем по существу и направлялась за границей. Полученные от меня корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» К. Реном, американским профессором А. Р. Небольсиным, архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием и другими иностранными гражданами клеветнические материалы использовались во враждебной пропаганде против нашего Государства. Я и раньше не был поклонником заграницы, и сейчас убежден, что иностранцы, вмешиваясь в наши внутренние дела, кроме вреда, нам ничего не приносят.

Особенно это стало ясно мне после того, как в апреле 1979 года ко мне на квартиру явились представители т. н. «Международного христианского движения за свободу веры» граждан Дании Филсков Фолке и гражданка Австрии Филскова Мария, которые подстрекали меня и бывших моих единомышленников к сбору и передаче за рубеж клеветнической информации о положении верующих в СССР и обсуждали вопросы

о необходимости совместных враждебных действий в период Олимпиады-80 в Москве, в частности по более активному использованию антисоветских зарубежных радиостанций, нелегальному ввозу в Советский Союз различной литературы, проведению манифестаций и протестов в связи с якобы имеющимися нарушениями прав граждан в нашей стране. Увидев, что миссия Филсковых носит явно подрывной характер, я в июне того же года уклонился от участия во встрече с членом парламента Англии Д. Аткинсоном, приехавшим в Москву с теми же целями. Впредь я отказываюсь от незаконной связи с заграницей.

Я также хочу заявить, что отрекаюсь от изготовленных мною клеветнических книг и статей и, как автор, запрещаю их дальнейшую публикацию.

Я написал письмо Патриарху, которому рассказал, что было и что произошло со мной, попросил у него прощения и принять меня, как новорожденного, в число своих соратников, допустить трудиться на благо своей Церкви и своей Родины.

Отказавшись от своей антисоветской деятельности и от неправильных действий в отношении Русской Православной Церкви, я хочу обратиться и со словом к своим бывшим единомышленникам.

Мы живем на советской земле и должны придерживаться законов своей страны. Несоблюдение ее законов прежде всего наносит ущерб нашей стране, разобщит наши внутренние силы, приносит никому не нужные страдания. Надо думать не только о себе, но и о наших семьях, о тех, кто идет с нами рядом, ибо легко оказаться на положении отщепенца. Это слово больно бьет по самолюбию, но надо в этом сознаться. Теперь, когда есть опасность извне, нам всем нужно объединиться и делать одно дело со своей властью и своим народом, которые нам даны Богом и перед которыми мы все ответственны.

Это письмо в печать я написал с той целью, чтобы вокруг моего имени больше не поднималось антисоветского шума. Я хочу тихо и скромно, как верный сын Русской Православной Церкви и как верный сын своего Отечества, делать дело, от которого не пришлось бы раскаиваться.

Свящ. Дм. ДУДКО

5 июня 1980.

(«Известия», 1980, 21 июня)

Свидетельствует пресса

3. ОБМАНУТАЯ АМЕРИКА

Все большее количество американцев начинает глубже задумываться над тем, к какой катастрофе их ведет политика администрации Картера. Напряженность на Ближнем и Среднем Востоке, трагедия, разыгравшаяся в Майами, рост безработицы, инфляция и в то же время огромные доходы монополий, наживающихся на военных заказах, вызывают чувство протеста американцев. Именно об этом свидетельствует статья Майл-

са Бланшара, которую мы перепечатаваем с некоторыми сокращениями из американского журнала «Черчмен».

Хотя я и священник уже более пятидесяти лет, но должен признаться, что не свободен от ошибок. Некоторые из них — результат неправильной оценки. Одной из таких ошибок была моя статья для журнала «Черчмен», написанная года четыре назад. В ней я одобрял кандидатуру Джеймса Эрла Картера на пост президента. Статья заканчивалась следующими словами: «Мне не нравится его кредо, но нравится его порода».

Сейчас я — старый разочарованный человек. Мне следовало бы быть умнее, поскольку я много лет прожил на глубоком Юге США в окружении южных баптистов, принадлежащих к секте «перерожденцев». Я поддержал кандидатуру Джими Картера, потому что полагал, что он наведет порядок в Вашингтоне. Так он обещал, а я верил, что христианин, принадлежащий к секте «перерожденцев», всегда держит свои обещания. Я одобрял его кандидатуру, так как полагал, что, став президентом, он примет меры для укрепления всеобщего мира.

Некоторое время он, казалось, оправдывал наши надежды. Но сегодня я убежден, что мы ближе, чем когда-либо, к войне, которая уничтожит последние остатки цивилизации. Сейчас, когда пишется эта статья, Картер преследует одну-единственную цель: переизбрание.

Он не может быть сторонником всеобщего мира, коль скоро он пытается с помощью угроз навязать свою волю Ближнему Востоку. Ему следовало бы знать то, что знает всякий, кто более или менее знаком с мировой историей: никакие сверхвооружения не способствуют сохранению мира. Это лишь внешнее проявление воинственности, которое какой-нибудь международный руководитель обязательно воспримет как приглашение к вооруженному столкновению. Как известно, не существовало еще такого оружия, которое, будучи создано, не было бы пущено в ход. Это относится и ко всем видам ядерного оружия. Картер действительно переродился, если сегодня он санкционирует некоторые виды оружия, против которых раньше возражал.

Сейчас он пытается угрожать Советскому Союзу, запрещая нашей молодежи ехать в Москву на Олимпийские игры. Мне до слез жалко этих ребят, которые, жертвуя всем остальным, годами тренировались, чтобы достойно представлять нашу страну на Олимпийских играх. Многие из них будут уже слишком старыми, чтобы участвовать в следующих Олимпийских играх через четыре года. Не лучше было бы, если бы он разрешил этим молодым американцам ехать в Советский Союз в знак доброй воли и нашего благожелательного отношения?

А кого он пугает, настаивая на регистрации молодых людей в возрасте 19—20 лет? Ему, безусловно, известно, что Советский Союз не дрожит от страха. А вот у тысяч молодых американцев сердце ушло в пятки. Ведь такие же молодые ребята вроде них были и среди 55 тысяч человек, погибших во Вьетнаме по воле Киссинджера и Никсона. Поэтому наша молодежь сейчас вновь пишет на плакатах: «Нет, черт побери, мы никуда не пойдём!»

Многие из нас считают, что Советский Союз не представ-

ляет реальной угрозы для нашей страны. Реальная угроза исходит не извне, а изнутри; она заложена в самой структуре нашего общества. Нашим слабым местом является не военная техника, а жадность и эгоизм части американцев.

Некоторым из нас повезло: даже достигнув преклонного возраста, они имеют какие-то источники дохода, помимо пособий по социальному обеспечению. Другим повезло меньше, и сегодня они страдают от голода и холода. Третьи ждут смерти в домах для престарелых. Такие люди не представляют серьезной угрозы для воинственных кандидатов, потому что они так или иначе скоро умрут. Но есть и другие, которые не собираются умирать,— во всяком случае не завтра. Они голодны и не имеют работы. К тому же у них черная или коричневая кожа, и, несмотря на все усилия Мартина Лютера Кинга добиться расового равенства в США, на них оно не распространилось.

Люди, говорящие, что современная молодежь гораздо смиреннее, чем молодежь 60-х годов, принимают желаемое за действительность. Как только наши молодые люди узнают, что им придется идти на войну во имя сохранения у власти продажных общественных и государственных деятелей, они покажут нам, смиренны они или нет. С каждым днем их сознательность возрастает, в особенности если они читают не американские газеты, а более серьезные издания...

(«Известия», 1980, 31 мая)

4. ИЗ МИРА ХАНЖЕСТВА — В НЕБЫТИЕ

В конце 1978 г. весь мир был потрясен кошмарной трагедией в джунглях Гайаны (Южная Америка), унесший 914 жизней, в том числе около 200 детских. Нескольким десяткам людей удалось спастись от принудительного самоубийства, а что касается детей, да и многих взрослых,— просто убийства. Обнаружены, кроме того, магнитофонные ленты с записью голоса вожака секты «Пиплз тэмпл» («Народный храм») Джимми Джонса, отчаянного крика детей и выстрелов. Благодаря этому стали известны подробности кровавой бойни в поселке Джонстаун (т. е. Джонсоград).

Пусть простят мне читатели чересчур обширную цитату из американского еженедельника «Ньюсуик», но она дает представление об этом чудовищном акте изуверского фанатизма.

«— Тревога! Тревога! Тревога! Всем собраться у центрального павильона! — гремел в громкоговорителях голос «преподобного» Джонса, созывавшего свою паству на последнее собрание.— Все примем смерть! — вопил он.— Если вы любите меня столь же сильно, сколь я люблю вас, то все умрем или же будем сломлены внешней силой. Третьего не дано.

Матери прижимали к себе детей.

— В чем они-то виноваты? — вырвалось у одной из них.

— Опомнитесь! — крикнула другая.

— Поздно! — отвечивал Джонс.— Через час мы встретимся на том света.

И он велел своей «медицинской» команде принести металлические корыта с ядовитым зельем — прохладительным на-

питком «Кулайд», к которому по его приказу был подмешан цианистый калий.

— Сперва давайте детей! — скомандовал Джонс.

Огромную толпу его приверженцев оделили подручные вожака, вооруженные винтовками, пистолетами и даже луками. Некоторые семьи добровольно двинулись к корытам. Другие медлили, и тогда зашевелились стражники. Они вырывали ребят у непокорных матерей и передавали их медицинской сестре, которая разжимала им зубы и вливала в рот яд. Охранник ткнул стволом ружья в ребра Роллет Пол, крепко прижавшей к себе годовалого сына.

— Глупая сука, — крикнул он, — лучше делай, что приказано, или хуже будет.

Слезы градом катились по ее лицу, но она влила яд в рот собственного ребенка — и тот немедленно расплакался и забился в конвульсиях...

Многие покорно шли к лоханям с ядом и черпали бумажными стаканчиками смертоносную жидкость.

— Мы все падем сегодня, но он (то есть бог. — Л. Б.) поднимет нас завтра! — сказал кто-то из этих людей.

Один старик яростно сопротивлялся. Его швырнули на землю, раздвинули челюсти и влили в глотку стаканчик ядовитой жидкости. В громкоговорителях раздался голос Джонса:

— Пришло время умереть с достоинством!

Охрана заставляла принявших зелье ложиться рядами на землю лицом вниз. Ложились семьями, сплетая руки в предсмертных объятиях. Вскоре отравленные начали корчиться от удушья и рвоты, изо рта и носа у них пошла кровь.

Восседая на своеобразном троне на высоких подмостках, Джимми Джонс воскликнул:

— Я верен, я верен!

Затем раздался выстрел, и 46-летний вожак секты замертво свалился со своего импровизированного трона.

Корреспондент другого американского журнала, «Тайм», начал свой репортаж об этой трагедии с картины, открывшейся ему с борта вертолета.

«Огромное центральное здание, — писал он, — окружено чем-то ярким, очень похожим на стоянку автомашин. Когда же вертолет опустился ниже, стало видно, что это груда человеческих тел. Ряд за рядом сотни тел, одетых в красные платья, голубые мужские рубашки, зеленые куртки, синие джинсы, розовые блузки, детские джемперы. Супружеские пары со сплетенными руками, дети, обхватившие родителей. И никакого движения. Лишь белье полоскалось на ветру. А кругом — недавно вспаханные поля, банановые рощи и виноградники».

Как сообщают американские газеты, осмотр тел погибших в Гайане сектантов показал, что по меньшей мере у 70 жертв были обнаружены свежие следы инъекций цианистого калия — они были умерщвлены, а не покончили с собой... Тело самого инициатора этого изуверского массового действия, Джонса, тоже было найдено: он лежал у своего деревянного алтаря-трона с простреленной головой. Но вот что странно: отпечатки пальцев трупа не совпали с теми, которые хранились в ФБР. Несколько спасенных беглецов подтвердили, что у их вожака были специальные телохранители-двойники, так что найденное возле

алтаря тело с обезображенным от выстрела лицом вполне могло принадлежать одному из них. В таком случае вовсе не исключено, что глава «Народного храма» сумел скрыться и ныне затаялся где-нибудь в ожидании «лучших времен».

Кто же он такой, этот человек, решившийся на массовое истребление своих единомышленников, и что это за секта «Народный храм»?

Джим Джонс, информирует журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», вырос в городке Линн (штат Индиана), где силен был Ку-клукс-клан и негры не отваживались показываться на улицах после захода солнца. В жилах его отца текла индейская кровь, работал он на железной дороге и был членом Ку-клукс-клана. Но его сын стал противником расизма. После учебы в университете родного штата он был посвящен в духовный сан и одновременно занялся адвокатской практикой, защищая гражданские права негров.

Основав в г. Индианаполисе небольшую религиозную общину, Джонс затем отправился на два года миссионером в Бразилию, а вернувшись оттуда, стал проповедовать утопическое равенство в условиях капиталистического общества. Он занимался и благотворительной деятельностью, организовывал антирасистские демонстрации. Число его последователей тем временем росло, но власти штата Индиана начали их преследовать, и тогда — это было в 60-е годы — около сотни из них переехали в Северную Калифорнию, где в отдаленном горном районе Рэдвуд Вэлли они основали поселение, которое и положило начало секте «Народный храм».

В нее потянулись разные люди — большинство из них были негры, представители других национальных меньшинств и прочие изгои американского «общества потребления» — люди, так сказать, оказавшиеся за бортом. Среди них было немало выходцев из интеллигенции и буржуазии, особенно молодежи, разочарованной духовной нищетой современной Америки. В то же время в секту затесались и всякого рода уголовные элементы, наркоманы и проститутки, которым Джонс обещал «новую жизнь».

Секта разрасталась, одно время в ней состояло около 20 тысяч человек, примыкали к ней и некоторые из тех недовольных американцев, кто искал социального, экономического, расового равенства и справедливости, и даже кое-кто из тех, кто участвовал в борьбе за гражданские права, против грязной войны во Вьетнаме, за мир и сокращение военных расходов, кто требовал прекращения травли негритянских лидеров, в том числе и Анджелы Дэвис, разоблачения подлинных убийц Мартина Лютера Кинга.

Когда в 1970 г. Дж. Джонс и его последователи обосновались в Сан-Франциско, правящая элита Калифорнии не замедлила использовать в своих политических целях влияние «Народного храма», чтобы заполучить на выборах голоса бедняков, «цветных» и молодежи. Тогда у «преподобного» Джонса появились крупные денежные средства и дорогие автомашины. Он установил тесные связи с губернатором штата Эдмундом Брауном, мэром Лос-Анджелеса Брэдли и другими влиятельными лицами. Роковой оказалась дружба с Джонсом для мэра Сан-Франциско Джорджа Москона, который был застрелен в

своем служебном кабинете через несколько дней после трагедии в Гайане. Американская печать высказывает полную уверенность в том, что эти события взаимосвязаны.

В период президентских выборов 1976 г. вожак «Народного храма» поддерживал кандидатуру Дж. Картера на пост президента и даже встречался с его женой Розалиндой, когда та приезжала с Сан-Франциско в ходе избирательной кампании. В 1977 г. супруга президента направила Джонсу короткое, но теплое письмо, фотокопию которого воспроизвели многие американские газеты после кровавого кошмара в Джонстауне...

Успех вскружил голову новоявленному «пророку». Возмнив себя непререкаемым владыкой всех доверившихся ему людей, он требовал от них безоговорочного повиновения, угрожал послушникам расправой. В секте возник раскол. Некоторые из «смутьянов» обратились с жалобами к окружному прокурору, и тот начал следствие против Джонса. Последний, не дожидаясь, когда его привлекут к ответственности, счел за благо в 1976 г. перебраться в джунгли Гайаны, куда за ним последовали в общей сложности около тысячи человек.

Гайанские власти охотно разрешили переселенцам создать сельскохозяйственную коммуну Джонстаун. Немалую роль в этом сыграли представленные Джонсом рекомендательные письма от 39 американских сенаторов...

Судя по всему, здесь, в Гайане, у Джонса началось тяжелое психическое расстройство. Он создал нечто вроде концентрационного лагеря, охраняемого бандой вооруженных фанатиков-наркоманов. Что касается оружия и наркотиков, то они, видимо, не без участия ЦРУ, доставлялись контрабандой из Соединенных Штатов. Располагая огромными средствами (по данным американской прессы, в Джонстауне после описанной трагедии было обнаружено более 3 миллионов долларов наличными и значительное количество золота, а в банках Швейцарии, Панамы и других стран Джонс имел секретные вклады по меньшей мере еще на 10 миллионов долларов), вожак «Народного храма» держал своих рабов буквально впроголодь.

Непосредственным толчком к дальнейшим событиям послужил приезд в Гайану американского конгрессмена Лео Райэна, который хотел выяснить, действительно ли из секты невозможно вырваться. Он захватил с собой корреспондентов телевизионной компании Эн-Би-Си и сан-францисских газет. Кстати, среди них был и автор книги о заговоре, жертвой которого стал президент Кеннеди, — Марк Лейн. Сперва все шло, казалось бы, нормально: группу Райэна допустили в Джонстаун, устроили в ее честь обед и концерт, с конгрессменом и его спутниками беседовал Джонс.

На следующий день конгрессмен и его спутники уехали в Порт-Кайтума, где их ожидали два самолета. Вместе с ними направлялись несколько сектантов, пожелавших оставить Джонстаун. Но когда все они уже садились в самолет, один из беженцев открыл огонь по своим братьям, ранив двух человек. Затем на взлетно-посадочной полосе появился посланный Джонсом трактор с прицепом, с которого прыгнули его охранники, открывшие огонь по Райэну и его спутникам. Конгрессмен, трое корреспондентов и одна сектантка были убиты, 10 человек ранены. Репортер Эн-Би-Си крутил съемочную камеру, пока его

не настигла пуля, и потом эта пленка демонстрировалась по американскому телевидению. А каким-то чудом оставшийся в живых Марк Лейн описал потом этот кровавый пролог массовой трагедии, разыгравшейся в джунглях Гайаны.

После того как посланные вдогонку за Райэном охранники вернулись в Джонстаун, вожак, предвидя неминуемое возмездие за расправу, учиненную по его приказу над Райэном и его спутниками, и другие злодеяния, в своем непомерном тщеславии принял решение уйти из жизни не в одиночку, а, подобно египетским фараонам, вместе со своим окружением.

По словам уцелевших членов «Народного храма», Джонс не раз проводил репетиции массового самоубийства — так называемые «Белые ночи», когда он принуждал людей пить напиток, в котором, как он им тогда говорил, содержался яд. Подобным образом вожак дрессировал своих приверженцев, готовя их к дружному, покорному «уходу в лучший мир», где тех, кто принес такую величайшую жертву богу, якобы ждало райское блаженство, царство вечной справедливости, мира и изобилия. А саму подготавливаемую им изуверскую, жуткую акцию Джонс напыщенно именова́л «Белым рыцарем».

Рассказы его бывших последователей, попавшие на страницы американской прессы, дают представление о том, как в омуте хваленого «американского образа жизни» с его духовной нищетой, расизмом, бесчеловечностью и равнодушием к людскому горю всплывают на поверхность такие зловещие сообщества, как «Народный храм».

Джонс начал свою духовную карьеру в методистской церкви, но вскоре разочаровался в ней после столкновений с задававшими там тон заядлыми расистами и стал создавать собственную религиозную организацию. Он, несомненно, страдал не только манией величия, но и паранойей — хроническим психическим заболеванием, которое характеризуется манией величия, бредовыми идеями, а иногда и галлюцинациями. Сперва он считал себя мессией, т. е. спасителем, новым воплощением Иисуса Христа, а затем сам объявил себя богом. Его старый сторонник, преподобный Росс Кейз, рассказывал, что «Джонс утверждал, будто он подлинный бог, сотворивший небеса и землю, и приказывал своим последователям покупать, а затем продавать людям его маленькие изображения, которые якобы охраняют от зла и пороков».

«Он провозгласил себя мессией, для пущей важности пряча свой взгляд за таинственными черными очками, — характеризовал Дж. Джонса еженедельник «Ньюсуик». — Ораторским искусством, «чудесами» исцеления больных и пустопорожней сентиментальностью он гипнотизировал свою паству и требовал фанатичной верности и обожания. Джонс был многолик: он хотел играть и роль мессии, и политической силы в Калифорнии, и диктатора в собственной стране Утопии».

Уже в 1961 г. Джонс выражал сомнение в «истинности христианской религии», в частности признавался прихожанам, что не верит в непорочное зачатие, не раз в своих проповедях высказывался против Библии. Один из его приспешников, Диксон, вспоминает, как однажды Джонс швырнул на пол священное писание, воскликнув: «Слишком много людей верят этой книге, а не мне!» Чтобы построить справедливое общество, по-

учал он своих последователей, люди нуждаются в живом, а не в библейском боге.

Джонс утверждал, будто его посещали видения грядущей атомной катастрофы. И поэтому, проповедовал он, надо искать «землю обетованную», безопасную от бомб, а также от расистов, которые по его словам, скоро развяжут расовую войну в США. Прочитав в одном журнале о том, будто на земле есть девять мест, укрытых от ядерной радиации, Джонс в апреле 1962 г. перевез свою семью в один из таких предполагаемых районов — крупный промышленный город Балу-Оризонти в Бразилии. Но и там, по словам одного из его тогдашних соседей, он, бывало, начинал вопить от страха, слыша гудение самолета. Годом позже Джонс посетил соседнюю с Бразилией Гайану, где его, очевидно, и «осенила» идея создать здесь поселение своих приверженцев.

Как сообщает даже близкий к Пентагону журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», по словам некоторых уцелевших последователей Джонса, в последнее время у него стали проявляться самые мрачные стороны натуры, он выглядел сумасшедшим, неизлечимо больным и принимал наркотики. Даже его случайно оставшийся в живых 19-летний сын Стивен был настроен против отца. «Я могу сказать, — заявил он корреспонденту журнала, — что почти ненавижу этого человека, потому что он разрушил все самое главное в моей жизни. Я теперь отношусь к нему как к фашисту, ибо он был таковым».

Известно, что в Соединенных Штатах в настоящее время насчитывается свыше 3 тысяч религиозных сект и групп самого различного пошиба, начиная от «Церкви христианской науки» (сайентологи) и кончая «Церковью сатаны»; все эти секты насчитывают в своих рядах около 5 миллионов человек. Недавно еще в прошлом веке К. Маркс писал, что в США «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия» (Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 397).

Один из опросов общественного мнения, проведенный институтом Галлапа, показал, что 30 процентов американцев верят в демонов и почти столько же в астрологию и гороскопы. Литературой об оккультных «науках» заполнены специальные секции в любом большом книжном магазине. На кино- и особенно телеэкранах (что наиболее пагубно для детей) бушует поток фильмов, смакующих всевозможные загробные ужасы, похождения дьяволов, ведьм и привидений. Все это не может не воздействовать пагубно на психику людей.

Шок, охвативший американцев после событий в джунглях Гайаны, длился довольно долго. Журналы и газеты снова и снова возвращались к этой теме, публикуя статьи, интервью, многочисленные письма потрясенных читателей. Социологи, психиатры, религиоведы ломали копья, обсуждая вопрос: можно ли запрещать тот или иной культ, внушающий серьезные опасения, не явится ли такой запрет нарушением конституции.

Профессор истории религии в Чикагском университете М. Марти, например, объясняет сектантский бум разочарованием людей, не имеющих корней в жизни. Они, по его словам, готовы довериться любому «руководящему духу». По мнению

декана теологического факультета одного из колледжей Лос-Анджелеса Джоэ Хока, беда в том, что в США нарушены все ценности соотношения. Социологи религии полагают, что многие новообращенные сектанты — это или молодые люди, утратившие семейные связи, или неудачники, жаждущие немедленного решения своих жизненных проблем.

По свидетельству газеты «Балтимор сан», многие в США не видят смысла в своем существовании и либо отвергают американское общество и его порядки, либо считают себя отверженными.

События в Джонстауне вызвали явный переполох и в правительственных кругах США, в особенности в связи с обвинениями, раздавшимися по этому поводу в адрес министерства юстиции, государственного департамента и посольства США в столице Гайаны.

Вскоре, однако, руководящие круги в Вашингтоне перестроились, начав грязную игру вокруг ужасной гайанской бойни. Вопреки непреложным фактам, вскрывшим трагедию людей обездоленных, охваченных религиозным фанатизмом и ханжеством и вынужденных покинуть страну, которая не может обеспечить самые элементарные человеческие права для своих граждан, в американской печати появились инспирированные фантастические домыслы о том, будто в Джонстауне, дескать, не обошлось без «руки Москвы».

Однако гнусные политические спекуляции на человеческой трагедии в Гайане, любые попытки раздуть вокруг нее еще одну антисоветскую шумиху заведомо обречены на провал. Ведь давно уже на Западе канули в прошлое те времена, когда неосознанный протест масс облекался в форму массовых религиозных движений, как это было, например, в Европе в эпоху Реформации. В наше время империалистические круги, напротив, благоволят ко всякого рода религиозным организациям, справедливо усматривая в них — независимо от вероисповедной принадлежности — своеобразный громоотвод социальной активности обездоленных или разочарованных масс. Пусть верят во что угодно: хоть в бога, хоть в черта, лишь бы не встали на сторону тех, кто руководствуется в своей деятельности по изменению, перестройке и преобразованию несправедливого эксплуататорского общества единственно верным научным компасом — учением марксизма-ленинизма.

Л. БОРИСОГЛЕБСКИЙ
(журнал «Наука и религия», 1979, № 5)

* * *

К нашим читателям. Публикуя в приложениях обзоры американской прессы «Обманутая Америка» и «Из мира ханжества — в небытие» с указанием дат их появления в советской печати, редакция настоящей брошюры обращает внимание читателей на эти даты в связи с происшедшими с тех пор фактическими переменами в составе администрации и законодателей США после президентских выборов и выборов в конгресс Соединенных Штатов. Разумеется, это обстоятельство отнюдь не меняет общей картины американской действительности, так ярко воспроизведенной авторами обзорных материалов.

- ¹ См. в конце книги приложение № 1.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М., Мысль, 1971, с. 470.
- ³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг, М., Госполитиздат, 1950, с. 299.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.
- ⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 40.
- ⁶ Брежнев Л. И. Лениным курсом, т. 6. М., Политиздат, 1978, с. 622.
- ⁷ Проблемы социалистического образа жизни. М., Наука, 1977, с. 19.
- ⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 77.
- ⁹ Журнал Московской патриархии (далее Ж.М.П.), 1967, № 9, с. 36.
- ¹⁰ Провиденциализм — учение о промысле божьем, об управлении богом сотворенным им миром. Согласно этому представлению все исторические события совершаются не в силу объективных законов, а волей провидения (божества).— Авт.
- ¹¹ Ж.М.П., 1972, № 12, с. 41.
- ¹² Ж.М.П., 1976, № 2, с. 3.
- ¹³ См. приложение № 2.
- ¹⁴ См.: Яблоков И. Н. Социология религии. М., Мысль, 1979, с. 139—141.
- ¹⁵ См.: Религия в век научно-технической революции. М., Политиздат, 1979, с. 139.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.
- ¹⁷ Ж.М.П., 1973, № 8, с. 61.
- ¹⁸ См.: Ж.М.П., 1970, № 12, с. 7.
- ¹⁹ Вопросы научного атеизма, № 24. М., Мысль, 1979, с. 99.
- ²⁰ Материалы XXII съезда КПСС. М., Политиздат, 1962, с. 410.
- ²¹ Братский вестник, 1975, № 6, с. 8.
- ²² Ж.М.П., 1971, № 2, с. 46.
- ²³ См.: Вопросы научного атеизма, № 24, с. 116.
- ²⁴ Там же, с. 114.
- ²⁵ Гаркавенко Ф. И. Идеология современного баптизма. М., Знание, 1970, с. 23.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

- 27 Ж.М.П., 1947, № 5, с. 33.
- 28 Ж.М.П., 1965, № 9, с. 78.
- 29 Ж.М.П., 1960, № 5, с. 44.
- 30 Об этих течениях мы будем говорить в следующей главе.— *Авт.*
- 31 См.: Ж.М.П., 1969, № 7, с. 26.
- 32 Ж.М.П., 1968, № 1, с. 42.
- 33 См.: *Новиков М. И.* Новые тенденции в идеологии и деятельности православия. М., Знание, 1971, с. 16.
- 34 *Гаркавенко Ф. И.* Идеология современного баптизма, с. 22.
- 35 Ж.М.П., 1977, № 11, с. 39.
- 36 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 26.
- 37 Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1969, с. 27.
- 38 XIII съезд Итальянской коммунистической партии. М., Политиздат, 1973, с. 52.
- 39 См.: *Ковальский Н. А.* Католицизм и мировое социальное развитие. М., Наука, 1974, с. 98.
- 40 Проблемы мира и социализма, 1979, № 5, с. 35.
- 41 Новое время, 1978, № 3, с. 28.
- 42 См.: Проблемы мира и социализма, 1979, № 5, с. 35.
- 43 *Казанова А.* Второй Ватиканский собор. М., Прогресс, 1973, с. 13.
- 44 Там же, с. 89.
- 45 *Шахнович М. И.* Религия и трудовая деятельность человека. М., Знание, 1975, с. 10.
- 46 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.
- 47 См.: *Шейнман М. М.* Католицизм в меняющемся мире. М., Наука, 1975, с. 115.
- 48 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 204.
- 49 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.
- 50 См.: *Ястребов И. Б.* Католицизм в современной Франции. М., Мысль, 1973, с. 56, 59.
- 51 Там же, с. 67.
- 52 См. приложение № 3.
- 53 Ж.М.П., 1966, № 3, с. 67—68.
- 54 *Казанова А.* Второй Ватиканский собор, с. 18.
- 55 См.: *Шейнман М. М.* Католицизм в меняющемся мире, с. 120.
- 56 Материалы XXV съезда КПСС, с. 10.
- 57 *Казанова А.* Второй Ватиканский собор, с. 369.
- 58 *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 6, с. 172.
- 59 Новое время, 1978, № 3, с. 30.
- 60 *Кантеров И. Я.* Ватикан под натиском атеизма. М., Наука, 1972, с. 39.
- 61 См.: *Урсул А. Д., Школенко Ю. А.* Обитаемая Вселенная. М., Знание, 1976, с. 15.
- 62 *Казанова А.* Второй Ватиканский собор, с. 81.
- 63 Там же, с. 16.
- 64 См.: *Ковальский Н. А.* Католицизм и мировое социальное развитие. М., Наука, 1974, с. 63.
- 65 *Казанова А.* Второй Ватиканский собор, с. 82.
- 66 См.: *Ярошевский Т.* Личность и общество. М., Прогресс, 1973, с. 418.

- 67 См.: Атеистические чтения. М., Политиздат, 1979, с. 110—111.
- 68 Ярошевский Т. Личность и общество, с. 418.
- 69 Вопросы научного атеизма, 1977, № 21, с. 60.
- 70 Ярошевский Т. Личность и общество, с. 417.
- 71 Казанова А. Второй Ватиканский собор, с. 48.
- 72 Джонсон Х. Христиане и коммунизм. М., Иностранная литература, 1957, с. 13—14.
- 73 Там же, с. 10.
- 74 Там же, с. 15.
- 75 См.: Добренков В. Н. Критический анализ авангардистских тенденций в современной протестантской идеологии. М., 1975. Великович Л. Н. Левые течения в религиозных организациях капиталистических стран. М., 1974. Гараджа В. Н. Богословская мистификация социальной революции. М., 1974. Гараджа В. Н. Кризис современного протестантизма и поиски новой теологии. М., 1973. Все эти книги — издательства «Знание».
- 76 Зарубежные марксисты о религии и церкви. М., Политиздат, 1975, с. 155.
- 77 Проблемы мира и социализма, 1973, № 3, с. 55.
- 78 См.: Ястребов И. Б. Социальный прогресс и развитие атеизма. М., Знание, 1979, с. 53.
- 79 Там же.
- 80 Проблемы мира и социализма, 1975, № 6, с. 54.
- 81 Там же, с. 57.
- 82 Там же, 1973, № 3, с. 55.
- 83 Там же, 1975, № 6, с. 58.
- 84 Там же, 1973, № 3, с. 54—55.
- 85 Зарубежные марксисты о религии и церкви, с. 160.
- 86 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 218.
- 87 См.: Аргументы и факты, № 6. М., Знание, 1980, с. 28.
- 88 Там же, с. 25—28.
- 89 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.
- 90 Там же.
- 91 Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1972, с. 90—91.
- 92 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.
- 93 Там же, т. 29, с. 326.
- 94 Там же, с. 325.
- 95 Кузнецов В. Н. Современная буржуазная философия и религия. М., Знание, 1976, с. 12.
- 96 Ярошевский Т. Личность и общество, с. 421.
- 97 Там же, с. 437.
- 98 Там же, с. 436.
- 99 Там же, с. 438.
- 100 От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела. М., Мысль, 1969, с. 165.
- 101 Там же, с. 168.
- 102 Ж.М.П., 1976, № 3, с. 50.
- 103 Ярошевский Т. Личность и общество, с. 520.
- 104 От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела, с. 182.
- 105 Мчедлов М. П. Современный католицизм. М., Знание, 1970, с. 45.
- 106 Финкелстайн С. Экзистенциализм в американской литературе. М., Прогресс, 1967, с. 106.

- ¹⁰⁷ *Шварц Т.* От Шопенгауэра к Хейдеггеру. М., Прогресс, 1964, с. 107.
- ¹⁰⁸ *Габитова Р.* Человек и общество в немецком экзистенциализме. М., Наука, 1972, с. 191.
- ¹⁰⁹ *Ярошевский Т.* Личность и общество, с. 159.
- ¹¹⁰ См.: *Шварц Т.* От Шопенгауэра к Хейдеггеру, с. 150.
- ¹¹¹ Там же, с. 241—242.
- ¹¹² *Соловьев Э. Ю.* Экзистенциализм и научное познание. М., Высшая школа, 1966, с. 49, 51.
- ¹¹³ *Шварц Т.* От Шопенгауэра к Хейдеггеру, с. 313.
- ¹¹⁴ *Габитова Р.* Человек и общество в немецком экзистенциализме, с. 184.
- ¹¹⁵ Там же, с. 191.
- ¹¹⁶ *Бауэр И., Липерт А.* Коварная проповедь ренегата, или Крутой поворот Р. Гароди. М., Прогресс, 1973, с. 55.
- ¹¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 145.
- ¹¹⁸ Там же, т. 48, с. 231—232.
- ¹¹⁹ Там же, с. 226.
- ¹²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 211.
- ¹²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.
- ¹²² Там же, т. 23, с. 43.
- ¹²³ Там же, т. 18, с. 380.
- ¹²⁴ Там же, т. 17, с. 419—420.
- ¹²⁵ *Брежнев Л. И.* За справедливый демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. М., Политиздат, 1973, с. 45.
- ¹²⁶ См. также: Преодоление.— Неделя, 1980, № 22.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИЗИС РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ	4
МОДЕРНИЗАЦИЯ БОГОСЛОВИЯ	12
ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В СТРАНАХ КАПИТАЛА . . .	37
ТЕОЛОГИЗАЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И РЕВИЗИО- НИЗМА	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Прозрение	
Как верующий человек пришел к разрыву с религией	90
2. «Запад ищет сенсаций...»	
Заявление священника Д. Дудко	94
<i>Свидетельствует пресса</i>	
3. Обманутая Америка	97
4. Из мира ханжества — в небытие.	99
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ	106

ИБ № 1659

Марина Павловна Ласковая

ХРИСТИАНСКАЯ РЕЛИГИЯ В НАШИ ДНИ

Заведующая редакцией **Е. Чистякова**. Редактор **В. Вагин**. Художник **Л. Брылев**. Художественный редактор **В. Бондарев**. Технический редактор **Г. Бессонова**. Корректоры **З. Комарова**, **В. Чеснокова**. Сдано в набор 19.12.80. Подписано к печати 14.04.81. Л94864. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 6,44. Тираж 30 000 экз. Заказ 785. Цена 25 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Ласковая М. П.

Л26 Христианская религия в наши дни.— М.: Моск. рабочий, 1981.— 110 с.— (Серия «Беседы о религии»).

В книге раскрываются причины глубокого идеологического кризиса христианской религии и ее модернизации. Автор, кандидат философских наук, аргументированно критикует модифицированные теологические и философские концепции, направленные на обновление и приспособление религии к современным условиям как у нас в стране, так и на Западе.

Рассчитана в первую очередь на пропагандистов, политинформаторов и агитаторов, организаторов атеистической работы.

Л $\frac{10509-092}{M172(03)-81}$ 67-81. 0400000000.

ББК 86.3

MANUSCRIPTS

OF THE